

Д. М. Туган-Барановский

НА ПУТИ К БРЮМЕРУ

БУРЖУАЗИЯ и ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА в 1797-1799 гг.

Сб. **Буржуазия и Великая Французская революция /**

Гусейнов Э.Е., Кожокин Е.М., Ревякин А.В., Туган-Барановский Д.М.

М.: изд-во Моск. ун-та. 1989. 216 с. – С.99-140.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2008

В острейшей социально-политической борьбе 90-х годов XVIII в. во Франции рождались и испытывались различные формы организации государственной власти буржуазии — класса, который революция впервые выдвинула на руководящие позиции. Черту этим поискам новой буржуазной государственности подвел переворот 18 брюмера VIII г. Республики (9 ноября 1799 г.), ставший вехой в истории Франции и Европы. В этот день дала Директория и утвердился новый, бонапартистский режим, просуществовавший 15 лет.

Как Франция шла к этому дню? Какие социальные и политические условия подготовили падение Директории и приход к власти генерала Бонапарта? Что представляла из себя позиция французской буржуазии и какова была ее роль в политической борьбе того времени? Эти вопросы стоят в центре нашего исследования. Разумеется, они уже неоднократно рассматривались в историографии. Достаточно назвать имена французских исследователей - А.Тьера, Ж.Мишле, И.Тэна, А.Вандаля, А.Сореля, А.Олара, А.Матьеза, Л.Мадлена, Ж.Сюратто, Ж.Годшо, А.Мейнье, А.Собуля, Ж.Тюлара, американских — Р.Палмера, И.Волоха, Л.Ханта, П.Хэнсона, английских — Г.Митчелла, К.Черча, западногерманских — В.Гиссельмана, Э.Шмитта.¹ В нашей стране эти вопросы ставились академиком Е.В.Тарле, А.З.Манфредом, В.М.Далиным и некоторыми другими историками.² Тем не менее остаются еще значительные лакуны и конкретного, и историко-социологического плана.

Выделим проблемы, которые, по нашему мнению, в особенности заслуживают внимания историков.

1. Чтобы представить всю сложность социально-политической ситуации в 1798—1799 гг., определявшей политические позиции буржуазии «на пути к брюмеру», важно выявить масштабы и влияние роялистского и якобинского течений, в особенности последнего. Современные исследования показывают, что так называемая - «красная опасность» ощущалась тогда в обществе очень остро и явилась одной из непосредственных причин колебания термидорианской буржуазии в сторону идеи о консервативной и даже авторитарной республике.

2. Еще не полностью изучена идейная эволюция термидорианской буржуазии. В 1934 г. А.Матьез в исследовании «Директория» показал возникновение движения за пересмотр Конституции III г., так называемого «ревизионистского» направления в среде буржуазных политиков.³ Но после второй мировой войны были опубликованы новые материалы и работы (прежде всего исследования Ж.Годшо⁴), которые существенно дополняют созданную А.Матьезом картину. В совокупности с прессой термидорианского времени и мемуарами эти материалы позволяют дать более четкое представление об особенностях массового сознания французской буржуазии в этот заключительный период революции.

3. Когда речь идет о буржуазном характере наполеоновского переворота, остается в тени существенный вопрос, ограничивалась ли буржуазия абстрактным сочувствием противникам Директории или же она помогала им более осязаемо — деньгами, например. Специально эта проблема почти не ставилась. В общих работах о Наполеоне она затрагивалась, но лишь косвенно. Так, А.Сорель отмечал: «Нужны были деньги; Бонапарту достаточно было открыть дверь банкирам Перрего, Ле Кутё-Кантелё». ⁵ Примерно так же характеризовал ситуацию А.Вандаля: «Когда Бонапарт вернулся из Египта, капиталисты встретили его как избавителя; поставщики сразу бросились к нему еще накануне брюмера; а на другой день пришли и более робкие банкиры: вслед за шальными деньгами деньги осторожные, благоразумные. Банкиры торговались, давали и придерживали, но все же доставили кой-какие фонды и устроили синдикат с целью помочь Бонапарту стать во главе правления». ⁶ Однако исследователи типа А.Вандала, А.Сореля, Л.Мадлена, писавшие в духе «наполеоновской легенды», касались этого вопроса только «между прочим»: стремясь доказать «истинно национальный» характер переворота 18 брюмера, они не акцентировали внимание на связях молодого Бонапарта с банкирами и другими влиятельными представителями французской буржуазии. Что касается работ, посвященных истории французской буржуазии этого периода, то ее политический аспект интересовал их авторов лишь в малой степени. Так написаны книги Р.Стурма, М.Мариона и др. ⁷ Тем не менее эти работы содержат ценный фактический материал, по которому можно судить об источниках пополнения французской казны и влиянии буржуазных слоев. Особенно это относится к фундаментальному труду Л.Бержерона о парижской буржуазии и книге Р.Шрамкевича о руководителях «Банк де Франс». ⁸ Много фактов приведено также в биографических исследованиях о парижских богачах — Увраре, Колло и др. ⁹

4. Как это ни парадоксально, в огромной литературе, посвященной Наполеону, почти не нашлось места, чтобы рассказать о его социально-политической доктрине. Французские политологи М.Дюверже, М.Прело, Р.Ремон ¹⁰ были, пожалуй, единственными, кто пытался дать систематизированное изложение его идей, но делали они это бегло, в рамках общих курсов по конституционному праву и без достаточной аргументации. Применительно к изучаемой нами проблеме было бы интересно выяснить комплекс идей, сложившихся у Наполеона в 1797—1799 гг., накануне брюмера, когда он стал не только крупным военачальником, но и видным деятелем возникшего в ходе революции буржуазного государства.

Исследуя очерченный круг вопросов, мы учитывали данные старой и новейшей литературы, а также опирались на источники различного типа: литературное наследие самого Наполеона ¹¹, известные сборники документов по истории Парижа в период термидорианской реакции, Директории и Консульства ¹², политические памфлеты того времени, прессу, мемуары французских политических деятелей, в том числе Люсьена Бонапарта, Бурьенна, министра финансов Э.Годена, банкира Ле Кутё-Кантелё и др. Ценные документы были обнаружены в ЦПА НМЛ при ЦК КПСС и Архиве внешней политики России. Все эти материалы дают возможность проследить колебания в общественном настроении, борьбу различных политических группировок, позиции термидорианской буржуазии.

1. НОВЫЕ ХОЗЯЕВА ФРАНЦИИ

После 9 термидора многое изменилось во французском обществе. К власти пришли новые люди, в большинстве своем из буржуазных слоев. Именно буржуазии принадлежала отныне безраздельно политическая власть.

Враги республики, прежде всего бывшие привилегированные, не оставляли попыток при помощи интервенции и заговоров вернуть на французский престол Бурбонов, а вместе с ними — свои прежние социальные и политические позиции. Термидорианцы без колебаний пресекали эти попытки.

Но в той же, а может и в большей степени термидорианскую буржуазию страшила опасность слева, со стороны бывших соратников М. Робеспьера, а также Г.Бабефа. Уравнительные проекты, требования перераспределения собственности или уничтожения ее были явно не по душе тем, кто ею располагал. В стремлении обезопасить себя от повторения якобинской диктатуры и под впечатлением восстаний парижских санкюлотов в жерминале и прериале III г. термидорианцы приняли новую Конституцию, которую за ее откровенно буржуазный характер называли в стране конституцией нотаблей. От Конституции 1793 г. ее отличали две черты. Во-первых, при сохранении республики и республиканских свобод утверждался высокий имущественный ценз, который обеспечивал власть крупных собственников. Во-вторых, не доверяя исполнительной власти, авторы Конституции учредили слабое по своим правам правительство. Директория в составе пяти человек избиралась Советом старейшин по списку, составленному Советом пятисот, при этом ежегодно один из пяти подлежал смене. Правительство могло общаться с обоими Советами только письменно и не имело власти над казначейством.

Чтобы разобраться в социальных и политических планах термидорианцев, важно рассмотреть вопрос о положении французской буржуазии, как оно сложилось к последним годам Французской революции, о ее происхождении и составе.

Важной частью нового господствующего класса были старые богачи — люди, завоевавшие прочные экономические позиции еще до революции. К их числу можно отнести, например, банкиров Перрего, Рекамье, Ле Кутё-Кантелё, Малле, Юг-Лагарда, Делессера, Мартэн д'Андрэ. Некоторые из них имели дворянские титулы.¹³ Однако наряду со старой буржуазией большим влиянием после 9 термидора пользовались нувориши, составившие себе богатство во время революции.

При отсутствии точных статистических данных ответить исчерпывающе на вопросы, касающиеся происхождения буржуазного класса этой поры, затруднительно; вместе с тем это можно сделать с большей или меньшей степенью определенности в отношении самой состоятельной и политически активной (хотя и действующей чаще всего «из-за кулис») части буржуазии — парижских банкиров и крупных дельцов.

Сразу отметим, что банкиры в то время занимались не только чисто денежными операциями; с одинаковым успехом они создавали мануфактуру, входили в различные торговые компании, и вообще старались не упускать ни одной сделки, которая могла бы принести им прибыль.

Если считать, что в число руководителей «Банк де Франс», созданного Наполеоном в 1800 г., входили наиболее крупные дельцы (а нам представляется, что в принципе это было именно так), то изучение их социального состава в определенной мере проливает свет и на происхождение французской крупной буржуазии в целом. В этом плане чрезвычайно важной является работа по выявлению биографий 43 регентов и цензоров «Банк де Франс» времен Консульства и Империи, проведенная Р.Шрамкевичем.

При анализе материалов, собранных этим автором, нас прежде всего интересовало, в какой момент и как были приобретены состояния (накануне революции, во время ее или после) и каково место отдельных периодов революции (особенно якобинской диктатуры и послетермидорианского периода) в возвышении той или иной группы буржуазии к власти и богатству.

Воспользуемся таблицей, составленной Р.Шрамкевичем. С 1803 г. управляющие банком 15 регентов и 3 цензора избирались 200 крупнейшими его акционерами.

Социальное и семейное происхождение регентов и цензоров «Банк де Франс»

Из дореволюционной крупной буржуазии

Ле Кутё-Кантелё
Юг-Лагард
Малле
Журню
Бюффо
Делессер
Мартен д'Андрэ

Из достаточно богатой дореволюционной буржуазии

Перрего
Демотор
Перье
Перре
Робийар
Рекамье
Карье
Бастерреш
Севен
Дайан
Сабатье
Жам
Жибер
Дибон
Готтингер
Гупи
Моро
Мюге
Бастид
Варанж
Олливье

Из дореволюционных средних слоев

Баррийон
Сонэ
Тибон
Виталь Ру
Флори
Дюко
Давилье
Мартэн-Пуеш
Рикар

Из мелкой дореволюционной буржуазии

Жермен
Кордые
Пьерло
Марме
Лаффит
Депре

Наиболее крупной фигурой из первой группы банкиров был Ж.-Б. Ле Кутё-Кантелё (с 1806 г. — граф де Френель). Он родился в Руане в 1746 г. в очень богатой буржуазной семье. Его предки основали в Париже свой банк еще в 1670 г., и в конце старого порядка дом Ле Кутё стоял во главе целого ряда международных банков.

Семья не ограничивалась только финансовыми операциями; она вела большую торговлю с Востоком и Америкой, имела табачные плантации в Вирджинии, участвовала в испанских займах (1780) и даже в новой Индийской компании.¹⁵

К революции Ле Кутё отнесся в целом положительно, хотя и без большого энтузиазма. Он представлял интересы третьего сословия в Генеральных штатах; есть данные, что в дальнейшем он примыкал к фельянам и в 1791 г. во время Вареннского кризиса написал брошюру в защиту Людовика XVI. В период якобинской диктатуры Ле Кутё находился в заключении, и его настоящий взлет (политический и деловой) начался после 9 термидора, особенно при Директории. В 1796 г. он стал членом Совета старейшин, а в 1799 г. — президентом администрации департамента Сена, одним из руководителей банка «Кэсс де комт курант», и таким образом выдвинулся в первый ряд французской буржуазии.¹⁶

Во многом подобными этой были биографии Г. Малле, Ж. Делессера и др. Выходцем из крупной руанской буржуазии являлся Г. Малле (при Наполеоне — барон Малле де Шалмасси). При Людовике XV семейством Малле был основан банковский дом. Сам Г. Малле был человеком консервативных взглядов и в начале революции даже входил в монархический клуб Валуа. В дальнейшем его карьера напоминала карьеру типичного буржуа. Малле дважды арестовывался якобинцами. После 9 термидора он вновь превратился в крупного банкира и предпринимателя. В 1796 г. ему принадлежало 713 акций Индийской компании, и, может быть, он являлся ее главным акционером.¹⁷

Другая группа регентов и цензоров «Банк де Франс» — всего 21 человек — принадлежала до революции достаточно богатой буржуазии. Они были менее влиятельными, чем Ле Кутё, Юг-Лагард, Бюффо, которые стали сливаться со старой знатью. Тем не менее и среди них имелись «дворяне мантии». Отцы Жиберы, Варанжа и Гупи еще до революции приобрели дворянские титулы.¹⁸

Колоритной фигурой в этой среде был П.-Л. Бастерреш. Он происходил из семейства байоннских торговцев, тесно связанного с правителями Наварры. Бастерреш занимался предпринимательской деятельностью в своем родном городе, но его политические интересы в предреволюционный период были связаны с Парижем. Нам неизвестна его роль в годы революции; очевидно лишь, что он не был якобинцем: 17 мая 1793 г. П.-Л.Бастерреш и его брат были арестованы, и только переворот 9 термидора их освободил. После переворота Бастерреш сразу был избран в Конвент от Байонны, а потом стал одним из нотаблей Директории. В 1796 г. в Париже им был основан банковский дом. В провинции он купил крупные земельные участки, где устроил фермы. Состояние Бастерреша только в Париже в начале Консульства оценивалось в 1,2 млн фр. Весьма похожим был жизненный путь Ж.-В.Демотора, А.-И.Карье, Сабатье, Перрего и др. После 9 термидора им удалось значительно увеличить свои состояния.

Третью и четвертую группу банковских дельцов составляли выходцы из средних и мелких буржуа. Они располагали некоторым имуществом и до революции, правда, не очень значительным; революция предоставила им возможность выбиться в высшие слои.

Типична в этом отношении карьера Ж.-Ш.-И.Давилье. В Париж он приехал в возрасте 20 лет, в 1778 г. Но только в 1788 г., за год до революции, он вместе с братом основал торговое общество. Одновременно братья активно участвовали в делах Индийской компании, а в 1797 и 1798 гг. в Париже возникли сразу два банка — банк будущего регента и банк его брата, которые существовали вплоть до Июльской монархии. В 1799 г. Давилье стал администратором «Кэсс де комт курант». В годы наполеоновской империи Давилье получил титул барона, при Июльской монархии — пэра Франции. В 1836 г. в 78 лет он вошел в правительство как представитель «Банк де Франс». В приветственных адресах того времени его торжественно именовали «истинным патриархом коммерции и индустрии». К концу своей жизни (он умер в 1846 г.) Давилье составил самое большое, после Б.Делессера, состояние из числа всей изученной группы дельцов, подарив каждому из семи детей по 1 млн фр. Он также больше, чем Делессер, — 45 лет при шести режимах! — состоял в регентском совете «Банк де Франс».¹⁹

В целом материалы, собранные Р.Шрамкевичем, убеждают в том, что большинство крупных финансистов эпохи Директории и Наполеона еще до революции принадлежали к крупной и именитой буржуазии. Это верно, по крайней мере, по отношению к 28 из 43 регентов и цензоров «Банк де Франс»; 15 регентов были парвеню, но тоже люди весьма обеспеченные при старом режиме. Причем первые, как правило, активного участия в революции не принимали из-за своей сильной связи со старой экономической и социальной системой. Гораздо радикальнее и активнее были финансисты, происходившие из среды мелкой буржуазии. Некоторые из них стали офицерами национальной гвардии, сражались на фронтах республики, участвовали в политической деятельности.

Период якобинской диктатуры для многих предпринимателей оказался крайне неблагоприятным. Интересно проследить, как складывались дела руководителей «Банк де Франс» в 1793—1794 гг. По нашим подсчетам, 17 из 43 регентов банка (Ж.-Ж.Баррийон, П.-Л.Бастерреш, А.-Л.Карье, Л.-Ф.Кордые, Дж.-В.Демотор, М. Депре, Юг-Лагард, Б.Журню, Ж.-Б. Ле Кутё-Кантелё, Г.Малле, Мартэн д'Андрэ, К.Перье, П.Перре, Ж.-Ф.Перрего, Ж.-Р. Ре-камье, Виталь Ру, Г.Сабатье) прямо или косвенно (через родственников и членов семей) подвергались гонениям со стороны якобинской власти либо непосредственно оказывали ей сопротивление. [Данные взяты из исследований Р.Шрамкевича.]

Факт, на наш взгляд, показательный. При этом нужно учесть, что некоторые банкиры проживали не в Париже, где происходили главные события, и даже не во Франции, а в Испании, Англии, Швейцарии. Некоторые просто затаились и скрывали свое состояние. Основная часть регентов, репрессированных или проявивших себя в качестве противников якобинского режима, принадлежала к крупной буржуазии (Ле Кутё, Перрего, Малле, Юг-Лагард, Мартэн д'Андрэ, Демотор, Перье, Бастерреш, Сабатье и др.).

Подлинный расцвет предпринимательской деятельности начался сразу после падения якобинцев. Термидорианский период, а еще более Директория способствовали приумножению богатства.

В годы Директории интересы буржуазии старого порядка почти совместились с интересами нуворишей. Старая буржуазия сохранила большую часть своего имущества, и Директория дала возможность пустить этот капитал в выгодный оборот. «Когда буря прошла, — писал А.Собуль, — она (старая буржуазия. — *Д.Т.-Б.*) вновь стала получать доходы. Но после десяти лет потрясений она жаждала покоя».²⁰ В это время возникли некоторые новые фирмы: «Ришар-Ленуар» в Париже, «Бован» в Паси, «Лашоветьер» в Бордо, «Жаннет» в Аменье. «Появились крупные промышленники — Перье, так называемый Милорд, в Дофине, Буайе-Фонфред в Тулузе»²¹.

Для увеличения своих состояний французские дельцы использовали все возможные способы. Для одних путь к богатству шел через спекуляции ассигнатами и их обмен, скупку и перепродажу национальных имуществ, для других — через военные поставки и эксплуатацию завоеванных стран. Особенно большие перспективы в этом плане открывал режим Директории. Возникли целые компании, которые специализировались на военных поставках: «Ланшер» и «Бодэн» поставляли по спекулятивным ценам продовольствие, «Фелис» — обмундирование; компания «Моннерон» занималась перевозками.²²

Показательна деятельность Г.Уврара. В первой четверти XIX в. это был один из самых богатых людей Европы. Современники оценивали его состояние в 25—29 млн фр.²³ Отец Уврара был бумажным фабрикантом. Сын, получив наследство, значительно увеличил его в годы революции путем спекуляций. После 9 термидора он, по выражению Е.В.Тарле, делал «огромные дела».²⁴ В своих мемуарах Г.Уврар откровенно рассказывал о некоторых комбинациях. В Бордо, например, он скупил партию колониальных товаров, и эта операция через три месяца дала ему прибыль более полмиллиона франков золотом.²⁵ Через Тальена и особенно Барраса Уврар в годы Директории прибрал к рукам огромные военные поставки, в основном для флота.

Другой пример: банкир Сеген. Располагая некоторым имуществом при старом порядке, он обогатился в период революции на том, что придумал новый способ дубления кожи, который должен был дать французским солдатам, по ироническому выражению Е.В.Тарле, «несокрушимые сапоги». Конвент в январе 1795 г. приказал реквизировать кожевенное сырье и предоставить его Сегену, причем дал ему для размещения производства два поместья. Из дубления кожи по новому способу ничего не вышло, сапоги разваливались, но Сеген продолжал богатеть. «Он швырял деньгами, оригинальничал, безобразничал, катался по Парижу в роскошном экипаже, но одетый в халат; задавал в своем поместье в Жуй ночные празднества с фейерверками и распорядился, чтобы искры от фейерверка летели в лицо гостям; те в панике разбежались и при этом падали в ямы, прикрытые сверху листьями. Его дом был полон редчайших картин, убран с неслыханной роскошью; в конюшнях стояло сорок лошадей; он собирал скрипки Страдивари и, по-видимому, просто не знал, куда и на что выбрасывать деньги. Все это проделывалось на глазах люто голодавшей толпы».²⁶

Д. М. Туган-Барановский

НА ПУТИ К БРЮМЕРУ

Еще один типичный пример, связанный уже с Б.Констаном, виднейшим представителем французского либерализма. Этот вроде бы не коммерческий человек широко занимался спекуляциями и имел успех. «Если бы я мог надеяться вас убедить,— писал он своей тете в 1795 г.— то посоветовал бы вам приехать во Францию с 15 тыс. фр., на которые здесь вы купили бы великолепное поместье... Это владение даст вам 4800 фр. ренты. Когда ассигнаты падут, эти 4800 останутся в наличии».²⁷ Его кузен Ш.Констан сообщал в одном из писем: «Повсюду говорят о деньгах... Всех захватил ажиотаж... Создаются огромные состояния... молодые люди, заменившие маркизов, говорят теперь только о девушках, лошадях и миллионах».²⁸

Некий Поле, до революции гарсон постоянного двора в Дуэ, различными спекуляциями приобрел немалое богатство, затем в ноябре 1796 г. купил 20 тыс. га земель при распродаже национальных имуществ в 1800 г. эти земли принесли ему только арендной платы 226 939 фр.²⁹

Не последнее место в галерее новых богачей занимал широко известный в будущем банкир Ж.Лаффит. Его взлет начался в 1795 г., а в 1801 г. он уже располагал состоянием в 3 млн фр.³⁰

В высшие слои французского буржуазного общества вошли также и отдельные представители дворянства, в том числе из аристократии. Вопреки широко распространенному мнению, далеко не все дворяне эмигрировали. По подсчетам Ж.Годшо, из 130 тыс. эмигрантов только 17 тыс. принадлежало к дворянству. Это значит, что примерно каждый двадцатый дворянин был эмигрантом, и следовательно, большинство дворян остались во Франции³¹. С течением времени они превратились, по существу, в буржуазных собственников.

Хотя их отношение к революции в основном оставалось враждебным, но даже некоторые аристократы приняли ее, видя в ней для себя хорошие перспективы. Таким являлся, например, М.Талейран, бежавший из Франции накануне прихода якобинцев к власти и вернувшийся в годы Директории. Еще более яркой фигурой был виконт де Баррас, фактический глава Директории. В 1796 г. он жил в роскоши, окружив себя настоящим «двором», приобретал дома и даже замки. Откуда брались деньги? По-видимому, прав Ж.Годшо: личных средств самого Барраса на все эти сделки не хватило бы; деньги шли от компаний, занимавшихся военными поставками и дававших ему огромные взятки.³²

Приведенные материалы, при всей их фрагментарности, позволяют заключить, что новый правящий класс Франции включал в себя и старую, сформировавшуюся еще до революции буржуазию (особенно наиболее динамичные ее элементы), и новую, выдвинувшуюся непосредственно в годы революции; в его ряды удачно интегрировались отдельные бывшие аристократы. В целом его устремления шли в русле буржуазного развития Франции. Они были направлены на создание такого порядка, который обеспечил бы беспрепятственное пользование богатствами на основе уже осуществленного перераспределения собственности.

Подобные настроения были свойственны также французскому крестьянству, особенно той его части, которая приобрела земельные участки и обогатилась в годы революции. В период термидорианской реакции и Директории не предпринималось сколько-нибудь серьезного наступления на крестьянские права. Все антифеодальное якобинское законодательство сохраняло свою силу. Отдельные попытки его ликвидации успеха не имели. Известны три такие попытки: 12 марта и 1 августа 1797 г. и 29 мая 1798 г. Всякий раз большинство Совета пятисот отвергало их, опасаясь усиления влияния роялистов³³.

В целом режим Директории создавал благоприятные возможности для развития буржуазных отношений. «При *Директории*, — писали К.Маркс и Ф.Энгельс, — стремительно вырывается наружу и бьет ключом настоящая жизнь *буржуазного общества*. Буря и натиск по части создания торговых и промышленных предприятий; страсть к обогащению; сутолока новой, буржуазной жизни, где на первых порах наслаждение этой жизнью принимает дерзкий, легкомысленный, фривольный и опьяняющий характер; ...первые движения освободившейся промышленности — таковы некоторые из проявлений жизни только что народившегося буржуазного общества. *Буржуазное общество* находит своего *действительного* представителя в *буржуазии*. *Буржуазия* *начинает*, таким образом, свое господство».³⁴

Эта характеристика дает очень четкое представление о новом периоде в развитии революции. Однако и режим Директории, несмотря на его буржуазный характер и возможности, которые он предоставлял собственникам, далеко не всегда устраивал господствующие слои, и чем дальше, тем больше. Конституция III г., оставив неприкосновенными буржуазные свободы и республиканские учреждения, давала силам, враждебным термидорианскому режиму, широкое поле для маневрирования и воздействия на правительственные органы. К тому же исполнительная власть — Директория — была слаба и находилась в сильной зависимости от Совета пятисот и Совета старейшин. При политических колебаниях внутри страны или сложной международной обстановке в этих органах брали верх то деятели, сочувствовавшие роялизму, то якобинцы и другие левые элементы.

Поэтому Конституция III г. оказалась в конечном счете для буржуазии неприемлемой. Она не гарантировала стабильного режима и не могла его создать. За время Директории по крайней мере трижды складывалась такая ситуация, когда термидорианцы для сохранения не только своей власти, но и социального порядка вынуждены были действовать вразрез с собственной Конституцией. Наполеон совершенно не преувеличивал, когда 19 брюмера VIII г. в ответ на выкрики депутатов, что он нарушает Конституцию, заявил: «Конституция... Вы сами ее уничтожили; вы нарушили ее 18 фрюктидора, 22 флореаля, 30 прериала...»³⁵

Складывалась парадоксальная ситуация: если социальные основы режима устраивали имущие слои, то система политической власти и ее функционирования была организована так, что защищала этот социальный порядок с трудом, лишь при условии нарушения Конституции.

Интересное психологическое наблюдение сделал историк Э.Кине в отношении так называемых новых собственников. Когда имение переходит из рода в род, говорит Э.Кине, это означает стабильность, чувство уверенности в своем праве обладать данной собственностью. Но когда собственность только приобретена, да еще в такое беспокойное время, когда все сразу может измениться, тут уверенности нет; «люди не в силах сразу создать чувство спокойной уверенности, которое порождает вековая традиция»³⁶.

Новые владельцы имений, принадлежавших раньше сеньорам, церкви, и крестьяне, получившие в собственность участки земли, задавали себе вопрос: может ли защитить их нынешнее правительство, насколько прочен существующий порядок? И вряд ли отвечали на этот вопрос утвердительно.

Подобные сомнения усиливались в обстановке постоянных экономических неурядиц. Особенно тревожным было положение с финансами страны. Хотя к 1797 г. с инфляцией удалось справиться, но возникала новая беда — дефляция. Военные расходы постоянно возрастали. В VI г. (сентябрь 1797 — сентябрь 1798 г.) казна получила только 385 млн фр.— на 61 млн меньше, чем в предыдущем году. Из этой суммы 300 млн фр. пошли на военные нужды. Бюджет VII г. (сентябрь 1798 — сентябрь 1799 г.) поставил перед правительством наибольшие затруднения. Банкиры и предприниматели очень неохотно соглашались оказывать казне финансовую помощь. Вместо ожидаемых 725 млн фр. государство собрало в первые восемь месяцев 160 млн, а по окончании года бюджетный дефицит составлял 250 млн фр.³⁷ Министр финансов Р.Ленде признавался позднее, что из-за недостатка средств он часто попадал в унижительные ситуации.³⁸

Финансовое положение Директории в 1798—1799 гг. точно обрисовал исследователь этой проблемы Р. Стурм: «Не было денег не только для оплаты текущих нужд, но еще и существовал огромный долг солдатам, жалованья не были выплачены, поставки не определены... и неотложные долги должны были поглотить первые же наличные деньги, если бы они поступили».³⁹

Правительство было неспособно наладить сколько-нибудь нормальную жизнь в стране. Повсюду царили хаос и анархия. По дорогам было опасно ездить, так как многочисленные банды грабили людей.⁴⁰ Целый ряд западных департаментов был охвачен роялистским мятежом.

Важным политическим фактором того времени, сильно обеспокоившим французскую буржуазию и повлиявшим на ее отход от режима Директории, было якобинское движение 1798—1799 гг. Остановимся на нем подробнее.

2. ЯКОБИНСКИЙ НАТИСК 1798—1799 гг.

В литературе до сих пор бытует неверное представление, что якобинцы как политическая сила и движение окончательно сошли с политической сцены после переворота 9 термидора и жерминальско-прериальских дней. «Заговор Бабефа» рассматривается подчас как выступление очень небольшого по численности авангарда парижского плебса. Эту точку зрения убедительно опровергают исследования Ж.Сюратто, Ж.Дотри, А.Собуля (Франция), И.Волоха (США), В.М.Далина (СССР).⁴¹ «Якобинское наследство» (по терминологии И. Волоха) было довольно значительным и играло в политической борьбе периода Директории большую роль. Более того, оно представляло собой фактор такой силы, что без учета его нельзя понять истоки переворота 18 брюмера и дальнейшее развитие Франции.

Иначе вряд ли могло и быть. Вспомним, что во II г. якобинских клубов насчитывалось около 2500,⁴² а «наблюдательных комитетов» — примерно 18 тыс. Движение сохранилось и после 9 термидора. В парижское общество «Пантеон» в 1795 г. входило около 2 тыс. человек, а в жерминальско-прериальских днях участвовали десятки тысяч санкюотов из предместий Марсо и Антуан. Е.В.Тарле даже склонен был предполагать наличие в те дни в Париже хорошо законспирированного якобинского центра, который руководил движением, но остался неизвестным ни правительству, ни историкам.⁴³ По сведениям Ф.Буонарроти, «равные» в 1796 г. надеялись, что в восстании им придут на помощь по крайней мере 17 тыс. человек, «не считая многочисленного класса рабочих»⁴⁴ Некоторые историки относились к этим сведениям скептически. Но в ЦПА ИМЛ имеются документы, подтверждавшие заявление Ф.Буонарроти. Повстанческий комитет Г.Бабефа через своих окружных «агентов» занимался тщательным сбором сведений как о сочувствующих, т. е. о возможных участниках восстания, так и о его противниках. Сохранились соответствующие доклады

«агентов» бабувистской Директории.⁴⁵ Причем иногда она торопила своих «агентов», запрашивая новые данные.⁴⁶ После ареста Г.Бабефа полиция изъяла у него список, в котором значилось 1500 человек с подробной характеристикой каждого, список назывался: «Люди, способные командовать». Планировалось позднее, после победы восстания, выдвинуть их на руководящие посты и в Национальный Конвент.⁴⁷

Известно также, что хотя Вандомский процесс 1797 г. над участниками «заговора равных» был сильным ударом по бабувизму, тем не менее многие руководители «равных» сохранили свободу. Лишь сам Бабеф и его товарищ Дартэ были приговорены к смертной казни; еще пять человек, в их числе и Ф.Буонарроти,— к пожизненному заключению; остальные 58 обвиняемых оправданы. Среди них были такие известные деятели, как П.Антонелль, Ф.Лепелетье, С.Марешаль, Дебон (все четверо входили в повстанческую Директорию Г.Бабефа), 11 окружных и военных «агентов» из 17 (Бодеман, Фике, Массей, Ваннек, Бодсон, Пари и др.). «агент связи» Ж.-Б.Дидье, члены монтаньарского комитета Рикор А. Россиньоль и др.⁴⁸

После разгрома «заговора» они в большинстве своем (но не все) отказались от подпольной деятельности и стали искать успеха (особенно после фрюктидора 1797 г., когда Директория качнулась влево) на путях легальной парламентской борьбы. На выборах 1798 г. был закреплен уже сложившийся в 1796 г. блок между демократами и бабувистами — то, что Ж.Лефевр, оперируя понятиями XX в., называл «народным фронтом».⁴⁹ Современники видели реальную силу этого движения. Победили на выборах демократические силы, а в некоторых округах департамента Сена почти все выборщики оказались из числа «излюбленных детей Бабефа». Тогда появилась брошюра явно термидорианского толка с характерным названием — «Попытка осуществления системы Г.Бабефа посредством выборов».⁵⁰ Успех левых так напугал правительство, что оно по закону от 22 флореаля VI г. (11 мая 1798 г.) не утвердило 106 из вновь избранных депутатов. Тем не менее демократическая фракция в Совете пятисот сохранилась. По мнению Ж.Лефевра, около 60 левых депутатов «проскочили сквозь сеть». Ж.Сюратто, располагавший более точными данными, считал, что эта цифра должна быть увеличена «примерно до 80 и даже до 100 членов».⁵¹

В ходе следующих выборов (1799) демократическая оппозиция не только не уменьшилась, но даже увеличилась примерно до 200 человек. Директория не решилась на проведение чистки и вынуждена была считаться с якобинским влиянием в обоих Советах. Лидерами демократической парламентской фракции стали весьма известные в стране люди: победитель при Флерюсе генерал П.Журдан, непосредственный исполнитель фрюктидорианского переворота генерал П.Ожеро (по словам Наполеона, в 1796 г. примыкавший к «партии Бабефа»⁵²), активный участник революции П.-Ж.Врио⁵³, Дестрем и Бертран из Кальвадоса (бывшие члены Конвента, голосовавшие за казнь короля), генерал Арена, Тало и др.

Обстановка в Париже еще более накалилась, когда 6 июля 1799 г. в Париже впервые после роспуска «Пантеона» возродился легальный Якобинский клуб — Общество друзей свободы и равенства. Чтобы не нарушить отдельные статьи Конституции III г., клуб вместо «президента» избрал «распорядителей», а вместо «секретарей» — «отметчиков» Он располагал двумя газетами: «Journal des hommes libres», которую противники называли «газетой тигров», и «Le Democrate ou le Defenseur des principes».

Число людей, посещавших заседания клуба, постоянно менялось. В лучшие дни оно составляло около 3 тыс. человек. По сведениям А.Олара, в заседаниях принимало участие до 250 членов Совета старейшин и Совета пятисот. Проанализировав парижскую прессу, Олар установил имена 87 самых активных членов Общества (или, по крайней мере, самых известных). Из этого

списка видно, что руководство клубом находилось в руках очень левых элементов — якобинцев или даже бабувистов. Среди них «герой Варенна» и бабувист Друэ, избранный «распорядителем» уже на первом заседании; Ф.Лепелетье, бывший член бабувистского комитета; Ж.-Б.Дидье, Маршан, Клеман, Буэн — «агенты» Бабефа в 1796 г.; Габриэль, парижский корреспондент Ф.Буонарроти⁵⁴; Баш — оратор бабувистского толка; Р.Базен, руководивший в 1798 г. в департаменте Сарта странствующим конституционным клубом и открыто называвший Г.Бабефа «мучеником свободы»⁵⁵; Бодсон, Рикор, Кретьен — участники бабувистского «заговора»; Приер из Марны — убежденный якобинец; полковник Бушотт — военный министр в 1793 г.⁵⁶ Таким образом, в клубе собрались в основном активные деятели революции, о которых даже официозный «Moniteur» писал, что их имена «очень дороги свободе».⁵⁷ «Распорядители» Общества с гордостью подчеркивали свою связь со старым Якобинским клубом и открыто посылали с трибуны проклятия по адресу термидорианцев.⁵⁸

Характерно, что в клубе текущие вопросы правительственной политики скоро стали рассматриваться в конкретном практическом плане. Общество пыталось присвоить себе привилегию старого Якобинского клуба указывать на недостойных функционеров и производить чистку государственных учреждений. Ораторы беспощадно громили продажный аппарат Директории и требовали эшафотов для Талейрана, Шерера, Ребеля, Фэпу, Лагарда и других, чья республиканская репутация казалась им сомнительной.⁵⁹

Правительственная пресса отмечала, что тон выступлений членов Общества день ото дня становился все более резким и угрожающим. 16 июля в клубе раздались выкрики, что для спасения республики требуется 5 тыс. голов. Это была уже знакомая парижанам терминология Марата. А 21 июля при обсуждении вопроса об убийствах республиканцев в провинциях Маршан после речи Буэна, призвавшего «не к мести, но суду», провозгласил: «О Ромм, Гужон, Субрани, Бабеф, вы будете отомщены — да, отомщены и скоро, но только путем суда, а не убийства».⁶⁰ Заявление Маршана не было пустой фразой. Общество поддерживало связи с Ф.Буонарроти, и кое-что было сделано для облегчения его участи.⁶¹

Клуб пытался оказывать влияние на правительственную политику остававшимися в его распоряжении легальными средствами — чаще всего через депутатов, входивших в Общество, а также путем составления всевозможных петиций и обращений. 18 и 25 июля Баш выступил в клубе с планом конкретных социально-экономических преобразований, его речь была опубликована. Он предложил «установить немедленно же прогрессивный налог с тем, чтобы обращать дополнительные суммы, которые будут уплачиваться таким путем богатыми, на понижение налогов, вносимых промышленным и трудящимся классом». Баш считал необходимым уменьшить жалованье чиновникам, организовать благотворительные мастерские и потребовать от всякого, чей годовой доход выше 1200 ливров, отчета о пользовании своими деньгами. Он хотел, чтобы неимущие граждане, идущие защищать родину, были объявлены совладельцами имуществ богатых собственников.⁶²

План Баша во многом был близок к программе, принятой клубом по предложению Ф.Лепелетье. В нее, например, были включены следующие пункты: «Восстановить в правительстве демократический дух. Восстановить равное и всеобщее образование. Наделить собственностью защитников отечества. Открыть общественные мастерские для уничтожения нищенства».⁶³ Эта программа, весьма красноречивая по своим целям, также была опубликована. Она вполне отвечала настроениям многих якобинцев, стоявших даже вне клуба.

Конечно, далеко не все, кто посещал клуб, разделяли робеспьеровско-бабувистские симпатии его «распорядителей». Понятие «якобинец», уже в 1793 г. подразумевавшее множество оттенков, стало еще шире в 1799 г. Среди членов клуба наряду с робеспьеристами и бывшими бабувистами встречались умеренные типа М.-А.Жюльена, который ранее был поклонником М. Робеспьера,

а затем ушел сильно вправо, и противники террора. В Общество входили даже деятели, благосклонно относившиеся к Э.-Ж.Сийесу и П.Баррасу; правда, таких было немного — клуб обычно исключал их из своих рядов. Но при всех различиях для якобинцев 1799 г., или, как их именовали полицейские, «исключительных», были характерны стремление к полному или частичному восстановлению Конституции 1793 г. в ее наиболее демократических аспектах⁶⁴ и попытки заставить Директорию вернуться к социально-экономической политике Комитета общественного спасения — установить максимум на продукты питания, обложить богатых чрезвычайными налогами и наделить собственностью неимущие и малоимущие слои.

Политическая деятельность якобинцев скоро стала вызывать в правительстве сильную тревогу. Влияние клуба постоянно ширилось, его заседания привлекали многих санкюлотов. Своего рода филиалы Общества возникли в Гренобле, Меце, Безансоне, Лионе, Версале и некоторых других городах. В Тулузе и Тулоне городская администрация почти сплошь составила из якобинцев и там тоже появились клубы.⁶⁵ Между клубами поддерживались взаимосвязи, хотя Конституция это запрещала.

Возникновение Общества неизбежно вело к столкновению с термидорианцами, нагнетало обстановку. Уже первые его заседания в зале Манежа озаменовались «грандиозной дракой» между буржуазной публикой и санкюлотами.⁶⁶ В Марселе члены народного «общества», как говорилось в полицейской справке, «с триумфом воздвигли бюст Марата» и сбросили в грязь портрет главы Директории Барраса.⁶⁷

Совет старейшин, чтобы как-то умерить пыл якобинцев, запретил им собираться в зале Манежа. Тогда клуб переехал на другой берег Сены, на улицу дю Бак, где продолжал свои заседания в церкви Св. Фомы Аквинского.

В целом якобинцам весной, летом и осенью 1799 г. удалось одержать значительные победы и заставить правительство принять некоторые их требования. Под давлением левых 18 июня были изгнаны из Директории активные термидорианцы А.Мерлен и К.Ларевельер (современники называли этот акт «переворотом 22 флореаля наоборот»). В июне и июле Совет пятисот принял важные решения о всеобщем рекрутском наборе в связи с начавшимися военными действиями, о принудительном займе на 100 млн фр. и о заложниках. Особенно испугали французскую буржуазию два последних закона.

Закон о принудительном займе, хотя и не полностью осуществленный, явно напоминал некоторые декреты 1793 г. Он облагал все крупные состояния прогрессивными налогами. Якобинцы рассматривали его как единственную возможность стабилизировать финансовое положение. Однако для проведения его в жизнь Директория, в отличие от Комитета общественного спасения, не имела достаточных сил. Предприниматели и финансисты самым наглым образом саботировали действия правительства. Крупная буржуазия в качестве контрмеры использовала простой способ, заключающийся в раздроблении имущества и капитала между родственниками. В этом случае налог уменьшался во много раз. Имели место и факты открытого сопротивления. Поставщик Колло, например, посчитал, что с него потребовали непомерно большую сумму денег, я предложил только 50 тыс. фр. Директория отказалась их принять. Тогда Колло заявил без обиняков: «Не хотите? Ну так ничего не получите. Честь имею кланяться!»⁶⁸ К 26 сентября, т.е. более чем за полтора месяца (закон был подписан 6 августа 1799 г.), удалось собрать всего 428 тыс. фр. из планировавшихся 100 млн, а Париж — центр всей коммерческой деятельности — дал всего 112 тыс. фр.⁶⁹ «Очевидно, — писал современник тех событий, — что французы, как аристократы, так и ротюрье, неплохо защищали свои имущества».⁷⁰

В Париже были расклеены правительственные плакаты, где сообщалось, что против «упорствующих» будут приняты меры, но ничего реального сделать не удалось. Предложение представить принудительный заем в качестве «чрезвычайного военного налога» (с ужесточением условий сбора) запоздало. Оно было сделано в Совете пятисот 16 брюмера (5 ноября), два дня шли споры,

наступило 18 брюмера...

Попытки осуществить закон о займе сильно подорвали доверие буржуазии к правительству. Банкиры под любыми предлогами отказывались от сотрудничества с Директорией. «Moniteur» сообщал: «Директория 26 июля созвала совещание, в котором участвовали многие банкиры. Но они ничего не решили...»⁷¹ А в обзоре центрального бюро полиции от 10 сентября 1799 г. говорилось: «Банкиры почти полностью оставляют дела».⁷²

Такое отношение крупной буржуазии к правительству сказалось на всей предпринимательской и торговой деятельности. Происходило сильное обесценение денег. Газета «Публицист» в июле писала, что 24-франковые купюры продавались «в последние дни» по 16—18 су⁷³; в газете «L'Araî des lois» от 5 фрюктидора (22 августа) говорилось: «Принудительный заем на 100 млн франков убивает дела в Париже. Такую сумму денег невозможно собрать. Каждый стремится реализовать свои имущества и спрятать золото во избежание последствий; наши возможности... уничтожаются нашей глупостью и невежеством».⁷⁴

Не меньший резонанс вызвал и закон о заложниках, принятый Советом пятисот 22 мессидора (10 июля) 1799 г. и одобренный старейшинами спустя два дня. Якобинец К.Брише, выступая в Совете пятисот, возложил всю вину «за убийство и грабежи» на бывших аристократов, родителей эмигрантов и шуанов. Он предложил проект закона из 19 статей, очень напоминавший резкостью своих формулировок известный якобинский закон о «подозрительных». В случае убийства государственного чиновника или военного, считал Брише, правительство должно выслать четырех заложников; за каждое убийство заложники должны будут нести солидарную ответственность: уплатить штраф 5 тыс. франков и возместить ущерб 6 тыс. фр. в пользу вдовы и 3 тыс. фр. в пользу каждого ребенка.⁷⁵ Закон был принят. А.Собуль отмечал, что он «вызвал сопротивление всех тех, у кого были причины жаловаться на революцию», и это проявилось уже на заседании Совета. Против Брише выступил правый депутат Райе. Но якобинцы не дали ему договорить. Под возгласы «Вотировать!», раздававшиеся со всех сторон, Райе покинул трибуну.

Таким образом, якобинское движение в последние два года Директории было довольно значительным и пользовалось большим влиянием в стране. Хотя это влияние носило временный характер и во многом определялось международной обстановкой и начавшейся войной со Второй коалицией, недооценивать его было бы неправильно. В этой связи важно выяснить вопрос, как в сравнении с отношением к якобинскому подъему воспринималась в стране правая опасность — роялистская.

3. «КТО ХОЧЕТ ПЯТЬ БУКЕТОВ за ОДИН ЛУИ?»

[Так кричали на парижских бульварах в 1799 г. продавщицы цветов. Эта фраза подразумевала замену пятерых членов Директории одним королем (см.: *Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Спб., 1905. Ч.1. С.233*).]

После подавления монархического заговора в сентябре 1797 г., когда 177 депутатов Законодательного корпуса был и лишены своих полномочий, а 53 арестованы высланы за пределы страны, роялистское влияние заметно упало. Но оно вновь усилилось во второй половине 1798 г. и особенно в 1799 г., во время войны со Второй коалицией. Роялистская опасность воспринималась современниками двояко: как контрреволюционное движение в самой Франции, заключавшееся в деятельности роялистских групп по организации мятежей и всякого рода подрывных акций, и как внешняя угроза со стороны Второй коалиции. Между роялистами, действовавшими внутри страны, и руководителями антифранцузской коалиции, в частности английским и австрийским двором, существовали тесные контакты. Планировались и организовывались совместные акции и даже предпринимались попытки составить скоординированный план действий. Это

объяснялось общими интересами, которые заключались в уничтожении республики и ликвидации, насколько это было возможно в 1799 г., революционных завоеваний.

Роялистское движение в самой Франции было далеко не единым. Оно состояло из двух главных направлений: сторонников абсолютной монархии по типу той, которая существовала до 1789 г., и приверженцев монархии конституционной — наподобие режима 1791 г. Если «чистые роялисты» рассчитывали действовать, опираясь на иностранное вмешательство и вызывая мятежи внутри страны, то сторонники конституционной монархии выступали за более умеренные средства борьбы.⁷⁶

В роялистском лагере высказывались самые разные мнения относительно претендента на французский престол. Наиболее авторитетной фигурой считался граф Прованский, личность довольно жалкая. После смерти малолетнего дофина он стал наследником трона. Однако на пути к цели, которая была достигнута только в 1814 г., будущему Людовику XVIII пришлось изрядно «поездить» по Европе. В 1797 г. он нашел пристанище у герцога Брауншвейгского, а потом у русского императора Павла I, фактически живя на иностранные субсидии.⁷⁷

На престол претендовали также младший брат Людовика XVI граф д'Артуа, принц Конде и другие члены дома Бурбонов. Заметной фигурой был также герцог Орлеанский. Хорошо информированный английский агент в Париже 15 декабря 1796 г. сообщил: «Снова много говорят о юном герцоге Орлеанском...» Несколько месяцев позже он же отмечал: «Фракция герцога Орлеанского гораздо более влиятельна, чем предполагают...»⁷⁸ Были проекты приглашения на трон кого-нибудь из немецких принцев; «называли Людвига-Фердинанда Прусского и даже, шепотом, герцога Брауншвейгского».⁷⁹

Большинство роялистского движения составляли не твердолобые реакционеры, мечтавшие о восстановлении старого режима со всеми его социальными и политическими атрибутами, а роялисты, так сказать, новой формации, примирившиеся с отменой многих феодальных прав и мечтавшие о конституционной монархии во главе с кем-либо из дома Бурбонов (последнее было желательно, но не обязательно). В 1800 г. во время переговоров роялистских вождей с первым консулом речь шла даже не о перераспределении собственности, не о ее возвращении прежним владельцам, а лишь о восстановлении Бурбонов на французском престоле.⁸⁰

Наиболее влиятельным роялистским центром во Франции являлось так называемое «агентство Швабии», куда входили генерал Преси, руководивший контрреволюционными восстаниями в Лионе в 1793 г., бывшие депутаты Дандре и Имбер-Коломе и другие крупные деятели. «Агентство Швабии» было связано с русским правительством. В Париже существовал «тайный роялистский совет», который, как считал Ж.Годшо, не занимался открыто подготовкой контрреволюционных акций, а только поддерживал связи с Людовиком XVIII и его окружением. Он насчитывал 18 человек, в него входили Руайе-Коллар и Монтескью⁸¹. Это была особо засекреченная группа, о наличии которой не подозревал даже граф д'Артуа. Задачей «тайного роялистского совета» являлось обеспечение достоверной информации будущего короля Франции.

Граф д'Артуа имел свой комитет, состоявший из Гид де Невилля, А.Полиньяка и К.Бурмона, людей, проявивших себя на этом поприще особенно в период Консульства. Влияние графа д'Артуа и его агентов заметно чувствовалось на Западе Франции, а графа Прованского — на Юге и Востоке.

«Агентство Швабии» руководило так называемыми «филантропическими институтами». После фрюктидорского переворота была проведена их реорганизация. «Филантропические институты» служили своего рода роялистскими опорными пунктами в департаментах и крупных городах страны. Ими непосредственно руководили аббат Лакомб и Дюпон-Констан. В 1798 г. для «институтов» были установлены новые правила, предписывавшие им избегать всякого преждевременного и случайного выступления. Они обязаны были

поддерживать связи с конституционными властями, чтобы «противиться злу». Им запрещалось выступать против какой-либо «партии», чтобы их не преследовали и не уничтожили «до великого дня». «Институты» должны были сберечь себя для решающего восстания⁸², намеченного на 1799 г., когда предполагалось выступление армии Второй коалиции.

Особую роль в роялистском движении играли шуаны.⁸³ Хотя в 1798 г. восстаний не было, шуанство продолжало существовать «в форме разбоя». Роялистские вожди рекомендовали шуанам нападать на кареты и дилижансы и всячески мешать восстановлению порядка и безопасности. Несмотря на все предпринимавшиеся правительством меры (организация летучих отрядов и проч.), не было дня, чтобы не произошло нападения на кареты, сопровождаемого грабежом и убийством.

Сферой влияния шуанов были 9 западных департаментов: Нижняя Луара, Мэн-и-Луара, Сарт, Майенна, Илль-и-Виллен, Орн, Манш, Морбиган, Кот-дю-Нор.⁸⁴ Если власть в городах и пригородах всецело принадлежала республиканцам (там были расквартированы войска), то вне этих оплотов республики господствовали шуаны. По-видимому, Бальзак не погрешил против исторической правды в своей характеристике этого движения, данной в известном произведении «Шуаны, или Бретань в 1799 г.»: «В живописных долинах, за цветущими изгородями, прятались невидимые враги, готовые к нападению. Каждая нива была тут крепостью, каждое дерево прикрывало западню, каждый дуплистый ствол старой вербы таил какую-нибудь военную хитрость. Поле сражения было повсюду. Шуаны подстерегали синих на поворотах дороги, девушки улыбками завлекали их под огонь ружей, не видя в том предательства. Они ходили с отцами и братьями на богомолье просить деревянную, источенную червями богоматерь наставить их в новых хитростях и отпустить им грехи. Религия или, вернее, фетишизм этих невежественных созданий избавлял убийцу от угрызений совести... Эти дикари служили богу и королю такими же способами, какими ведут войну могикане».⁸⁵

В деревнях шуаны были разделены на дивизии и роты. Во главе дивизий находились Бурмон, Соль де Гризоль, Сен-Режан и Кадудаль. Последний особенно выделялся. Под его началом было восемь дивизий. А. Вандаль нарисовал его живописный портрет: «Этот толстый приземистый бретонец — удивительный человек; он везде и нигде; его видят то здесь, то там, он рыщет по всему Морбигану, выведывает, вынюхивает, а за ним бегают повсюду белая левретка, очень некрасивая, но в своем ошейнике или под ним разносящая в разные места письма. У Жоржа повсюду есть свои люди, назначенные им офицеры, которые бродят по всей стране».⁸⁶

Роялистские вожди деятельно трудились над подготовкой восстания. Оно должно было произойти в момент, наиболее неблагоприятный для армий республики. Предполагалось, что мятеж охватит почти две трети Франции, будет поддержан монархическими выступлениями в Италии, Швейцарии, Германии, Бельгии, Голландии (планировалось грандиозное общее крестьянское восстание), а также войсками антифранцузской коалиции. Одним из активных руководителей этого движения был английский агент Викэм (Wickham), через которого осуществлялись связи с Англией и Австрией.⁸⁷

Однако в этом, казалось бы, хорошо разработанном плане были уязвимые места. Он мог привести к успеху только в том случае, если бы все участники движения (а их было немало) одновременно и, главное, согласованно выступили против Французской Республики. Достаточно было где-то произойти неудаче, кому-то выступить раньше или позже намеченного срока — и успех всего плана становился сомнительным. Нужно учесть также, что роялистам Франции было трудно скоординировать свои действия с монархистами Италии, Швейцарии и Голландии. Окончательно этого так и не удалось добиться.

Активные военные действия начались весной 1799 г. Уже в конце апреля французы оставили Милан и всю Ломбардию, Цизальпинская Республика перестала существовать. 26 мая Суворов захватил Турин, в июне 1799 г.

французы лишились всей Северной Италии. В сентябре 1799 г. пала Римская Республика. Вскоре по всей Италии были восстановлены абсолютистские режимы, значительную часть ее оккупировали иностранные войска.

Этим победам над Французской Республикой в большой степени способствовало восстание в Калабрии, первое по времени и наиболее успешное из всех контрреволюционных мятежей. Оно началось в феврале 1799 г., тогда как в Швейцарии роялисты выступили только в апреле, а во Франции — в августе.

Восстание в Калабрии победило прежде всего потому, что французские республиканские власти не ослабили фискального гнета на крестьян, как это сделал руководитель мятежа кардинал Ф.Руффо. 1 марта 1799 г. он обнародовал прокламацию, в которой говорилось об отмене ряда налогов и сбора десятины. Затем он упразднил не отмененный республикой институт королевских скупщиков шелка и объявил, что продажа шелка отныне не облагается пошлиной. Вдвое был сокращен подушный налог. Советский историк В.С.Бондарчук справедливо отмечал, что политика Ф. Руффо была, по существу, «вывороченной наизнанку политикой Французской революции» и имела в Калабрии успех.⁸⁸

Восстания в других государствах не были такими победоносными. В Швейцарии их уже к сентябрю 1799 г. подавили французские армии под командованием генералов А.Сульты и К.Менара. В Голландии генерал П.Брюн заставил англичан и русских капитулировать (в конце августа — начале сентября), Массена одержал победу под Цюрихом (25—27 сентября). В Бельгии эмигранты хотели создать независимую республику во главе с К.Дюмурье. Там высадились англичане, которые рассчитывали на восстание местных жителей, но его не последовало. Россия из-за разногласий с Австрией вышла из войны, армия Суворова была отозвана. К 5 октября 1799 г. внешняя опасность была фактически ликвидирована.

Не лучше обстояло для роялистов дело с мятежом, подготавливавшимся во Франции. Граф Прованский (будущий Людовик XVIII) колебался, не решаясь подать сигнал к всеобщему восстанию. Он рассчитывал на вступление войск коалиции в пределы страны и не хотел рисковать. В итоге получилась несогласованность в действиях. Восстание на юге Пиренеев вспыхнуло в первых числах августа 1799 г. На первых порах оно охватило довольно большой район: департаменты Верхняя Гаронна, Арьеж, Од, Тарн, Ло и Ло-и-Гаронна. «Внезапно, — пишет А.Вандаль, — Тулуза увидела себя окруженной на две трети мятежной ратью в 15—20 тыс. человек, с ружьями и пушками, с белыми знаменами... они наступали с диким ревом, угрожая смертью патриотам и прославляя Людовика XVIII».⁸⁹ Но в этих трудных условиях якобинцы, возглавлявшие администрацию Тулузы, сумели мобилизоваться, организовали народное ополчение из 11 батальонов и соединились с регулярными войсками. Восстание в этом районе удалось подавить уже через несколько дней.

Позднее роялисты предприняли ряд других выступлений. Самым крупным из них была высадка с отрядом в Нормандии роялистского эмиссара Фротте. Ему удалось создать так называемую «католическую и королевскую армию», которая, однако, не смогла овладеть ни одним городом. Столь же неудачно закончилась акция графа Бурмона, предпринятая в ночь с 14 на 15 октября 1799 г. Всего лишь два дня Бурмон был хозяином Мана и покинул его при первом приближении республиканских армий. В городах Ванн, Сен-Брие и Шолэ роялисты в разное время пытались захватить власть, но тоже безуспешно.

Таким образом, роялистское движение в качестве политического фактора безусловно следует учитывать, но без придания ему первостепенного значения. Можно согласиться с А.Оларом, у которого взяты приведенные сведения⁹⁰, что роялистская партия в момент падения Директории находилась в состоянии «полного разложения». Отсутствие у роялистов широкого влияния и массовой поддержки признавали даже некоторые из их вождей (Пюизе, Фротте, Шатильон, Бурмон и др.).

Что касается внешней опасности, то к началу октября 1799 г. она фактически перестала существовать, однако и ранее, даже в момент наступления армий Второй коалиции, наиболее пронизательные государственные деятели республики не считали эту опасность очень серьезной. В частности, такого мнения придерживались Баррас и Сийес. С полным основанием А.Вандаль утверждал, что «вся политическая и военная комбинация Сийеса» основывалась на том, что положение республики вовсе не трагическое. В такой обстановке возникло идейное и политическое движение, которое в конечном итоге привело к перевороту 18 брюмера. Оно сформировалось на основе недовольства французской буржуазии республикой и республиканскими учреждениями.

4. «РЕВИЗИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ», ЕГО СМЫСЛ и ЦЕЛИ

Борьба якобинцев с термидорианцами, влияние якобинцев были факторами, которые ощущались в политической жизни страны наиболее остро — значительно острее, чем роялизм. В этом можно убедиться, ознакомившись с документами того времени и прежде всего с печатными материалами, ибо на страницах газет и многочисленных политических памфлетов общественная борьба получила самое яркое отражение.

В библиотеках СССР сохранилось немало памфлетов, причем Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ) имеет целую коллекцию из более чем двух десятков брошюр, опубликованных в 1798 и 1799 гг. Эти произведения весьма откровенны по своему содержанию и предельно тенденциозны. По ним легко судить, какое значение придавали публицисты разных направлений политической борьбе и тому, кто победит в ней, — якобинцы, роялисты или термидорианцы.

Обратимся к коллекции, хранящейся в ГПИБ. Памфлет некоего Пьерже носит длинное название: «Декларация якобинцев, имевших отношение к убийствам в тюрьмах. Клятва, данная этими бандитами в тайном месте с целью компрометации в общественном мнении генералов Макдональда, Массена, Моро, Шампионне и замены их убийцами из этой партии».⁹¹ В брошюре цитируется письмо (декларация), которое якобы написали якобинцы какому-то высокопоставленному английскому государственному деятелю: «Наши имена вызывают ужас всех, кто похвастается своей преданностью истинному патриотизму. Ненависть и публичное презрение — единственное, чем мы сейчас располагаем, и мы находимся в такой нищете, что остались только с красными колпаками и скоро все погибнем от голода.

Между тем, милорд, поскольку нам важно сохранить ваше доверие, мы хотим дать вам доказательства нашей деятельности в прошлом и осведомить о наших планах на будущее» (с.2). Затем в «декларации» идет историческая часть, из которой видно, что сами якобинцы не считают себя республиканцами, и если они стремились раньше к республике, то только потому, что желали развала страны. «Мы надеялись,— писали будто бы якобинцы, — таким путем прийти к осуществлению своих планов, которые состояли в дезорганизации и анархии» (с.3).

Довольно недвусмысленно Пьерже намекает на то, что якобинцы являются агентами Англии, традиционного врага Франции, и даже состоят на содержании у английского правительства. Письмо заканчивается так: «Деньги, милорд, ключ от всех дверей; пришлите их нам, и мы обещаем вам все развалить. Мы сделаем все, что можем» (с.8).

Другой памфлет не менее примечателен. Его автор — некий Дюшам. Произведение называется так: «Берегите свои головы. Якобинцы организуют революционный трибунал. Список лиц, которые составят этот ужасный трибунал». Подзаголовок: «Беглый взгляд на зверинец».⁹²

В этой связи возникает вопрос, как этот страх перед возрождением диктатуры Комитета общественного спасения проявился в социальных проектах буржуазных идеологов и их отношении к Конституции III г. Несовершенства термидорианской Конституции, о которых уже говорилось выше, были довольно скоро поняты даже самими ее создателями. Главным недостатком режима Директории, по их мнению, являлось отсутствие сильной исполнительной власти и излишний, говоря современным языком, парламентаризм. Именно в термидорианской среде постепенно возникло движение за пересмотр Конституции и установление более консервативного режима, с большей концентрацией власти и ограничением прав «народных представителей».

Такого рода проекты стали составляться примерно с осени 1797 г., после подавления монархического заговора во фрюктидоре V г. Именно тогда якобинская газета «Journal des hommes libres des tous les pays» писала о существовании фракции, которая требовала постоянной палаты и пожизненного президента.¹⁰¹ К этому же времени относится очень любопытное донесение английского агента из Парижа в Лондон. Он указывал, что переворот 18 фрюктидора уже означает нарушение Конституции и что замена ее весьма вероятна, причем возможны три варианта: военный режим, монархия и анархия (под анархией понималось якобинское правление). «Военный режим мне представляется наиболее вероятным... Франция может оказаться под игом, из которого она уже не вырвется», — писал агент.¹⁰²

С фрюктидора V г. буржуазные идеологи и политики всерьез стали задумываться о несовершенстве Конституции III г. и ее пересмотре. Возникло, таким образом, «ревизионистское» движение. Выразителями его были довольно известные тогда люди: г-жа де Сталь, Б.Констан, Дону, Буле (из департа. Мёрт), А. де Сен-Симон (будущий великий социалист-утопист, входивший тогда в окружение Барраса), Сийес и др.

Сен-Симон не оставил записок, но его мысли дошли до нас в передаче некоторых его современников. В ту пору он был особенно дружен с кузеном Барраса графом А.Лорагэ. Последний весьма серьезно размышлял над пересмотром Конституции и даже составил по этому поводу специальную записку. А.Тибодо в своих мемуарах кое-что рассказал о ней, упомянув в этой связи о Сен-Симоне. В октябре 1797 г. Сен-Симон сказал ему: «Существует проект пересмотра Конституции, который поставит преграды честолюбию Директории: нужно, чтобы Сенат состоял из постоянных членов, был упразднен Совет старейшин и централизована исполнительная власть». «Талейран, — писал А.Тибодо, — втайне одобрял этот план».¹⁰³

Б.Констан пытался найти обоснование подобным идеям в исторических экскурсах. Его либерализм, по справедливому выражению А.Матьеза, всегда был «подчинен защите собственности».¹⁰⁴ После публикации весной 1797 г. брошюры «О политических реакциях», где уже содержались «ревизионистские» идеи, он выпустил в июле 1799 г. новое произведение «О последствиях контрреволюции 1660 г. в Англии». В нем он очень высоко оценивал роль протектора Кромвеля и даже отдавал должное М.Робеспьеру, считая, что последствия контрреволюции были бы для Франции более страшными, чем возрождение террористического режима 1793 г. Как и другие «ревизионисты», Б.Констан выступал за усиление исполнительной власти. «Надо, — писал он, — дать нашему общественному договору средства исполнения, которые до сего времени заменялись революционными конвульсиями», добиться посредством более «совершенных институтов исчезновения неустойчивости, которая может являться следствием пробелов в нынешней Конституции».¹⁰⁵

Г-жа де Сталь формулировала свои взгляды гораздо более определенно, чем Констан, хотя, как считает А.Матьез, «размышляли они совместно».¹⁰⁶ В последние месяцы 1798 г. г-жа де Сталь написала произведение «О нынешних обстоятельствах, которые могут положить конец революции, и о принципах, которые должны лечь в основу Республики во Франции». Оно не было тогда опубликовано, но ходило в рукописных списках и было известно в буржуазных

салонах. В нем проповедовался основанный на собственности социальный порядок, в котором найдут место себе и бывшие аристократы и новые богачи. Предлагалось, чтобы члены Совета старейшин назначались пожизненно. Совет пятисот, единственный выборный орган, обрекался бы на полное бессилие из-за права его роспуска, предоставляемого Директории, которая сама назначалась Советом старейшин.¹⁰⁷

Таковы в общем были воззрения Буле (из департа.Мёрт), Дону и др. Например, Буле, выступая в Совете пятисот весной 1799 г., обосновывал свою позицию так: «Контрреволюционеры — их не так много, как нас хотят уверить: *недовольных* действительно много, но откуда проистекает это недовольство? Сам ли по себе республиканский образ правления вызывает его? Нет! Значит, *источник зла — республиканский режим, такой, каким мы его видим*».¹⁰⁸ Он верно уловил суть вопроса. Его взгляды разделяли сам Баррас и ставший в 1799 г. членом Директории Сийес.¹⁰⁹ Рупором «ревизионистов» была газета «*Decades philosophiques*», где 10 брюмера VIII г. (1 ноября 1799 г) Конституция III г. подверглась резкой критике. Газета выступила за консервативную власть, «которая удержала бы на своем месте каждую часть конституционного здания».¹¹⁰

При всем конкретном различии этих проектов их объединяло то, что, как отмечал Ж.Лефевр, все они были направлены «на более или менее закамouflированное уничтожение выборов и усиление исполнительной власти» с тем, чтобы правительство в случае необходимости могло воздействовать на законодательные органы.¹¹²

Интересно знать и взгляды молодого Бонапарта на Конституцию, учитывая в особенности ту громадную роль, которую он в дальнейшем сыграл. В 1796 и 1797 гг. это был уже вполне сложившийся государственный деятель, весьма далекий от мечтаний в духе Ж.-Ж.Руссо. В 1795 г. он, не колеблясь, закрыл демократический клуб «Пантеон» и тогда же, как командующий «внутренними войсками» столицы, сказал председателю клуба, своему сверстнику и товарищу детства Ф.Буонарроти: «...вы исповедуете коммунистические взгляды и собираетесь отрубить голову командующему в Париже; это мне не подходит, я предам вас военному суду и вы будете расстреляны».¹¹³ Так много позже, на острове Святой Елены, Наполеон вспоминал об этом эпизоде. Что касается Ф.Буонарроти, то он приписывал генералу Бонапарту не только осуществление, но и саму инициативу закрытия клуба.¹¹⁴

Во время итальянской кампании 1796—1797 гг. Наполеон впервые показал себя политическим и государственным деятелем большого масштаба. Он вел себя фактически как глава государства: создавал правительства, утверждал республиканские режимы, давал наименования итальянским республикам, вводил там удобные ему порядки. Его блестящие военные успехи полностью преобразили европейскую карту войны и надежно защитили Францию с юга.

Вместе с тем в итальянском походе проявились некоторые моменты, свидетельствовавшие не в пользу республиканской репутации генерала Бонапарта. Он отказался поддержать восстание пьемонтских патриотов, поспешил с подписанием перемирия в Хераско (28 апреля 1796 г), которое затем было подтверждено официальным миром Франции с сардинским королем. Это привело к разгрому восстания и расправе над революционерами. Бонапарт фактически отменил выборы в образованных итальянских республиках и сам назначал всех административных чиновников.

19 февраля 1797 г. в Толентино он подписал мир с Папским государством, хотя имел реальную возможность завоевать Рим, чего требовала армия и Директория. Согласно тайным статьям договора, заключенного в Кампо-Формио 18 октября 1797 г, большая часть Венецианской Республики, в которой незадолго до этого произошло народное восстание, перешла к Австрии, хотя ее города в своих петициях молили главнокомандующего о присоединении к Цизальпинской Республике.

Наиболее пронизательных республиканцев, воспитанных в традициях освободительных войн Конвента, эта политика «просвещенного эгоизма» сразу насторожила Известны критические отзывы о Наполеоне в этой связи со стороны Г.Бабефа, Ф.Буонарроти, Ю.Сулковского, М.-А.Жюльена и др.¹¹⁵ Одну из наиболее пронизательных характеристик дал ему автор «Манифеста равных» бабувист С.Марешаль. В конце 1797 г. он написал памфлет «Поправка к славе Бонапарта или Письмо к этому генералу», где резко осудил итальянскую кампанию («Итальянцы, вы не посмеете объявить Бонапарта вашим освободителем») и даже предсказал будущий переворот 18 брюмера: «Бонапарт! Твоя слава является диктатурой, если ты позволяешь себе такой стиль, обращаясь к Цизальпинской Директории, я не вижу, что может помешать тебе использовать его в обращении с Французской Директорией. У меня нет никакой уверенности, что в ближайшем жерминале, во время наших избирательных собраний... ты не заявишь: "Французский народ! Я составлю себе законодательный корпус и исполнительную директорию". Я не вижу, что может помешать генералу, который провозглашает тост в честь его императорского величества раньше, чем за Французскую Республику, заявить Национальному собранию: "Я дам вам короля по своему вкусу или трепещите! Ваше неповиновение будет наказано"».¹¹⁶

Интересны факты, приводившиеся Стендалем, офицером наполеоновской армии с 1800 г. Стендаль высоко оценивал значение итальянского похода, считая этот период в жизни Наполеона «героическим». Но и он отмечал антиреспубликанские тенденции молодого генерала. Во время мирных переговоров в Леобене и Кампо-Формио, сообщает Стендаль в своих записках, австрийский уполномоченный граф фон Мерфельдт, заинтересованный в уничтожении республики во Франции, намекнул генералу Бонапарту, что тот мог бы стать во главе Франции или Италии. «Генерал ничего на это не ответил, но и не выразил возмущения; он даже высказал мысль, что попытка управлять Францией посредством представительных органов и республиканских учреждений является не более как экспериментом. Мерфельдт, которому этот разговор придал смелости, решился с ведома и согласия австрийского двора предложить Наполеону владетельное княжество в Германии». Наполеон вежливо отклонил это предложение, сказав, что «задался целью занять место в правительстве своей страны и уверен в том, что далеко пойдет, если только ему удастся вдеть ногу в стремя».¹¹⁷

Можно утверждать, что примерно в это время началось формирование политической доктрины Наполеона Бонапарта и связано это было не только с итальянским походом, но и с возникшим тогда «ревизионистским» течением.

Разумеется, во время итальянской кампании конституционные сюжеты у генерала Бонапарта не стояли на первом плане, но все же отдельные отзывы о Конституции III г., относящиеся к этим дням, сохранились. Еще 19 сентября 1797 г. в ответ на письмо Талейрана, в котором содержалась осторожная критика государственного строя, Бонапарт, писал из Италии: «Организация французского народа едва наметилась во всей полноте, которую я ей придаю, должна была бы рассматриваться как истинное представительство наций». При этом Наполеон заметил: «Монтескье нам оставил ошибочные положения».¹¹⁸ Нетрудно понять, что он имел в виду. Он был противником идеи Монтескье о равновесии властей. Приведенные слова очень важны для понимания наполеоновской политической доктрины: не выборные органы, составляющие законодательную власть, а правительство является подлинным «представительством нации».

Спустя несколько месяцев, 10 декабря 1797 г., когда генерала Бонапарта торжественно принимали в члены института Французской академии, он сказал: «Европа станет свободной тогда, когда благоденствие французов будет зиждиться на лучших органических законах».¹¹⁹ За этой фразой скрывалась осторожная критика Конституции III г.

Тогда же состоялась первая встреча Наполеона и Талейрана. Талейран посвятил ее описанию в мемуарах немало места. Он пригласил на встречу и г-жу Сталь, но Наполеон на нее не обратил никакого внимания. Он и Талейран прошли в кабинет, где состоялась беседа, «преисполненная доверия» со стороны Бонапарта. Наполеон говорил с большим одобрением о назначении Талейрана на пост министра, и «настаивал на удовольствии, которое он получал от переписки с человеком, живущим во Франции и притом иного рода, чем члены Директории». «Он сказал мне без особых переходов: "Вы ведь племянник реймского архиепископа, который находится при Людовике XVIII?" (Я заметил, что он не сказал тогда при графе Лильском). И он добавил: "У меня тоже есть дядя архидиакон на Корсике; он воспитал меня. Вы знаете, что архидиакон на Корсике то же самое, что епископ во Франции". Мы скоро вернулись в гостиную, которая наполнилась народом, и он громко сказал: "Граждане, меня трогает внимание, которое вы оказываете мне; я сделал все, что мог, для войны и для мира. Директория должна уметь воспользоваться этим счастьем для процветания Республики"».¹²⁰

Этот эпизод представляется очень важным. За недомолвками, полунамекками, скрытыми замечаниями по поводу Директории, указанием на аристократическое происхождение Талейрана и якобы сходство его происхождения с наполеоновским кроется определенный смысл. Конечно, далеко идущих выводов из воспоминаний Талейрана делать не следует, но в сочетании с другими уже изложенными фактами они показывают, что у Наполеона уже тогда рождались идеи, весьма близкие к идеям «ревизионистов».

Чувствуя недоверие к Директории и понимая, что ее дни сочтены, Наполеон после своего возвращения из Египта на предложение правительства стать одним из директоров почти сразу ответил отказом.

Позиция Бонапарта, какой бы скрытной она ни была, все же была замечена в обществе. Заметил ее и английский агент. В одном из писем еще в декабре 1797 г. он указывал, что Бонапарт всерьез «размышляет над тем, чтобы дать Франции стабильное правительство». Агент даже сообщал о разговоре, состоявшемся, по его сведениям, у Наполеона с Баррасом. Наполеон сказал о будущей конституции: «Исполнительная власть будет сосредоточена в руках двух человек... Один будет осуществлять гражданскую власть, другой — военную. Сенат будет состоять из пожизненных членов, а вторая палата будет временная, составленная из депутатов департамента». «Я думаю, — пронизательно добавлял автор письма, — что этот план известен только маленькому кругу лиц, я подозреваю также, что Бонапарт никому не доверяет своей главной цели».¹²¹ Об этой цели не догадывался даже Сийес. Потому-то аббат и был так уверен в том, что главную роль после переворота будет играть он.

Слухи о пересмотре Конституции просачивались и на страницы прессы. Помимо «Decades philosophiques» отдельные сообщения на эту тему печатали другие газеты. Так, «Corner du Corps legislatif» 16 ноября 1798 г. позволила себе процитировать довольно двусмысленную оценку Конституции III г., которая была ей дана Цизальпинской Директорией: «Французская Конституция, рассматриваемая во многих случаях как шедевр философии, далеко не всегда отвечает общим интересам, хотя к этому стремились, создавая ее, самые просвещенные политики». Газета добавила, что конституционный кодекс Цизальпинской Республики, представлявший в основном копию французской Конституции, являлся временным.¹²² О слухах, циркулировавших в обществе в связи с возможным пересмотром Конституции, сообщила 4 мая 1798 г. газета «Clef du Cabinet».¹²³ Наличие таких разговоров подтверждал и полицейский обзор от 12 сентября 1799 г.¹²⁴

Таким образом, необходимость изменения Конституции термидорианцы ощущали весьма остро, причем даже те, кто входил в правительство или был близок к правительственным кругам (Баррас, Сийес, Талейран, Фуше). Английский агент неоднократно (18 сентября, 20 сентября и 5 октября 1798 г.)

Д. М. Туган-Барановский

НА ПУТИ К БРЮМЕРУ

сообщал в Лондон о подготавливавшемся Директорией государственном перевороте с целью изменения Конституции.¹²⁵ Эти сведения трудно проверить, мемуары членов Директории их не подтверждают. Однако, бесспорно, что правительство предприняло некоторые шаги по фактической корректировке отдельных конституционных положений с целью больше приспособить Конституцию к реальной жизни. Так, 30 плювиоза IV г. (19 февраля 1796 г.) был принят закон, который давал Директории право ревизовать электоральные списки и таким образом исключать из них противников; 9 фримера VI г. (29 ноября 1797 г.) Директории было разрешено вычеркивать из этих списков бывших аристократов. Кроме того, десять законов, вотированных с V по VII г. (1797—1799), разрешали исполнительной власти полностью или частично назначать членов трибуналов и коммунальных или департаментских администраций, тогда как Конституция предписывала, чтобы они избирались.¹²⁶

В какой-то мере эту новую тенденцию можно обнаружить в конституциях Цизальпинской, Римской, Гельветической, Батавской республик. Исполнительная власть здесь была усилена. Директории имели право назначать своих комиссаров в казначейства, и поэтому финансы не оказывались, в отличие от Франции, вне компетенции правительства. В Батавской Республике Директория получила право устранять всех административных лиц и заменять их временными. В Гельветической Республике Директория могла назначать общественных обвинителей и президентов всех высших трибуналов. В Риме консулы назначали общественных обвинителей, которые исполняли функции комиссаров правительства и даже судей. Конституции содержали, наконец, любопытные новшества в административной и юридической сферах. В Швейцарии и Риме очень большой властью пользовались префекты, имевшие право назначать президентов кантональных собраний.¹²⁷ Однако все эти конституционные нововведения, как и отдельные законы, принятые во Франции в целях совершенствования государственного механизма, были лишь полумерами.

Принципиально изменить Конституцию III г. легальным путем можно было лишь в течение 9 лет. Следовательно, оставался путь государственного переворота. Не случайно сразу после июня 1799 г. из «ревизионистского» движения вызрела заговорщическая группа во главе с Сийесом, Талейраном и Ж.Фуше («компания расстриг», как выразился М.Прело¹²⁸), которые занялись подготовкой выступления.

В какой мере заговорщики рассчитывали на Бурбонов и возможность восстановления их трона? Часть историков и среди них такой компетентный, как А.Олар, считали, что Баррас и Сийес лишь в тактических целях использовали свои связи с Бурбонами, вели с ними переговоры для видимости, чтобы лучше знать намерения роялистов.¹²⁹ (Именно так объяснял свои связи с роялистами Баррас.¹³⁰)

Но в АВПР имеются документы, делающие эту проблему еще более сложной. В черновике письма Павла I Людовику XVIII от 14 мая 1799 г. шла речь о плане, выработанном маркизом Мэзонфором с целью произвести во Франции переворот в пользу Бурбонов. Там имелась такая фраза: «Г-н мой брат, маркиз де Мэзон-фор, прибывший из Миттау, консультировался с Моим Министром относительно деталей нового плана, *известного Вашему Величеству, который предусматривает при посредничестве директора Бар-раса благоприятные изменения во Франции...*» Но выделенные здесь курсивом слова были зачеркнуты и вместо них на полях написано: «чтобы надеяться во Франции при посредничестве Барраса имела благоприятные изменения». Далее в тексте зачеркнуты слова: «Баррас примет командование французской армией на границе».¹³¹

Роялистский эмиссар граф д'Авари в письме русскому правительству от 17 октября 1799 г. также сообщал, что некоторые члены Директории склоняются к необходимости восстановления монархии «ввиду невозможности существования Республики». В документах, приложенных к письму, говорится, что Сийес

является сторонником утверждения на престоле герцога Орлеанского.¹³² В свою очередь Людовик XVIII писал Павлу I о плане Бонапарта возвести на трон инфанта Карла Исидора.¹³³

В какой мере можно доверять материалам такого рода? Интересно мнение видного советского историка А.З.Манфреда. «Конечно,— писал он,— к этим донесениям нужно отнестись критически и трудно установить, какую долю истины они отражают. Однако сами эти донесения... весьма симптоматичны, они перекликаются с другими, сходными по содержанию свидетельствами». Отметим также комментарий А.З.Манфреда уже в отношении Барраса и его связей с роялистами: «Этих свидетельств недостаточно, чтобы считать вопрос выясненным, но сама по себе эта версия представляется вполне правдоподобной».¹³⁴

Разумеется, далеко не все «ревизионисты» были склонны к компромиссу в той или иной форме с роялистами, но некоторые из них (Талейран, Сийес и сам Баррас) могли учитывать *на крайний случай* и такой вариант. Ведь в основе «ревизионистского» движения лежало прежде всего желание буржуазии подчинить своему контролю народные и демократические силы, чего в условиях парламентской республики достичь было трудно. Отсюда проистекали неудовлетворенность режимом Директории и стремление к установлению республики консервативного типа. Но подобная логика при определенных условиях могла вполне привести к признанию конституционной монархии в лице Бурбонов (если бы Бурбоны согласились с совершившимся в годы революции перераспределением собственности), что, например, и произошло в 1802 г., когда образовалась оппозиция «идеологов» (К.Жордан, Неккер, г-жа де Сталь), которой конституционная монархия уже представлялась своеобразной «золотой серединой» между наполеоновской диктатурой и буржуазной либеральной республикой.¹³⁵ В конечном итоге такой компромисс был достигнут в 1814 г. Это был компромисс между роялизмом, признавшим завоевания буржуазной революции, и французской буржуазией. Возможно, что и в 1799 г. возникали подобные проекты.

Для Бонапарта, при его огромном и неудовлетворенном еще честолюбии, этот вариант был совершенно неприемлем.

Таким образом, переворот 18 брюмера был направлен против народных масс, народного движения и их политических представителей—демократов-якобинцев и бабувистов. Конечно, он был также направлен против эмигрантов и роялистов, против роялизма в целом, но внутри Франции в последние два года роялистское влияние не было значительным. На эту сторону происхождения бонапартистского режима неоднократно обращал внимание В.И.Ленин: «История Франции показывает нам, что бонапартистская контрреволюция выросла к концу XVIII в. (а потом второй раз к 1848—1852 гг.) на почве контрреволюционной буржуазии, прокладывая, в свою очередь, дорогу к реставрации монархии легитимной. Бонапартизм есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции».¹³⁶

Исследования Ж.Лефевра, А.Собуля и А.З.Манфреда подтверждают обоснованность этой мысли. Переворот 9 термидора лежит на той же линии, что и переворот 18 брюмера: свержение Директории означало еще один удар по народному движению, еще одну стадию в наступлении на народные права.

Характеристика переворота 18 брюмера *только как контрреволюционного* была бы недостаточной. Переворот 18 брюмера был проявлением именно «контрреволюционности буржуазии», а не сил старого порядка, свергнутого революцией.

Этот нюанс необходимо учитывать. Иначе невозможно дать правильную оценку многим событиям, которые происходили во Франции и Европе после переворота 9 термидора вплоть до 1830 г., нельзя понять, например, такое

событие, как «сто дней», показавшее, что с возвращением Наполеона французский народ связывал изгнание дворян и Бурбонов, приверженцев феодальных порядков. В советской литературе на эту сторону проблемы уже обращалось внимание. В.С.Алексеев-Попов писал: «...недостаточно... диалектично рассматривается природа и роль "буржуазной реакции", берущей верх в эти периоды над силами буржуазной демократии и силами народа. Абсолютизируется антидемократическая направленность действий этой реакции... и недооценивается ее роль в борьбе с внешними (и остатками внутренних) силами феодальной контрреволюции, во имя закрепления за крупной буржуазией и имущим крестьянством результатов революции». Приведя удачное, по его мнению, выражение прогрессивного немецкого ученого З.Энгельберга, назвавшего Наполеона представителем «недемократической стороны буржуазной революции», В.С.Алексеев-Попов отметил: «Для уяснения вопроса о "принадлежности" периода между двумя переворотами следует тщательно взвесить понимание Марксом и Энгельсом объективного содержания и значения деятельности Наполеона I, в которой они придавали гораздо большее значение ее внутренней связи с итогами буржуазной революции, чем это делалось и делается в нашей литературе, в том числе и в учебной»¹³⁷. Важное суждение на этот счет высказал также В.Г.Ревуненков: «Нисходящая линия революции не представляла собой отступление в сторону феодального прошлого, напротив, она означала укрепление и дальнейшее развитие социальных порядков, покоящихся на капиталистическом способе производства. Эта линия предполагала лишь одно — подавление народного движения, отстранение народных масс от участия в управлении государством, ограничение демократических свобод и прав — то, в чем буржуазия видела гарантию своих социальных привилегий... Что касается наполеоновской эры, то ее нельзя ни отождествлять с эпохой революции, ни отрывать от нее».¹³⁸ К аналогичному выводу пришли также В.Марков и А.Собуль.¹³⁹

В то же время переворот 18 брюмера и предшествовавшая ему «ревизионистская кампания» означали в тех условиях кризис парламентаризма, кризис буржуазной республики, при которой невозможно было подавить ни движение роялистов, ни, прежде всего и главным образом, левое демократическое движение. Наполеоновский режим, как и протекторат Кромвеля, закономерно шел на смену буржуазной республике. Коренное отличие первой формы правления от второй заключалось в отношении к буржуазному парламентаризму и буржуазным свободам. В условиях наполеоновского режима эти свободы и возможности использования парламента их институтов были равны нулю или близки к этому.

Однако окончательно это выявилось некоторое время спустя после переворота 18 брюмера, когда была обнародована новая Конституция.

Как известно, Наполеон сказал Редереру: «Пишите конституцию кратко...» Редерер хотел уже добавить: «...и ясно», ко услышал неожиданное: «И неясно». Такой она и получилась: краткая и неясная. Достаточно четко в ней было изложено лишь то, что касалось прерогатив первого консула. Во всем же, что относилось к представительным учреждениям, народным свободам и системе выборов, она была запутанной. Разные казуистические оговорки сводили на нет значение избирательных институтов. В руках первого консула сосредоточивались не только исполнительная, но и в значительной степени законодательная власть. Классовый смысл наполеоновской конституции хорошо выразил участвовавший в ее составлении А.Кабанис: «Невежественный ? класс не будет отныне оказывать влияние ни на законодательство, ни на правительство; все делается для народа и во имя народа, ничто не делается его собственными руками и под его неразумную диктовку».¹⁴⁰

Так «ревизионистское» движение нашло свое завершение. Правда, надо отметить, что авторитарный характер новому режиму придал не Сийес, а генерал Бонапарт.

5. ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗИЯ и ПЕРЕВОРОТ 18 БРЮМЕРА

События двух дней — 18 и 19 брюмера — описывались многими историками. Лучшей, хотя и тенденциозной работой на эту тему остается труд А.Вандала, опубликованный еще в конце XIX в. Не фиксируя внимание на известных событиях, связанных с бонапартистским переворотом, выясним отношение к нему термидорианской буржуазии.

Выше уже говорилось о позиции либеральной интеллигенции, так называемых «идеологов» — г-жи де Сталь, Б.Констана, Дону, Буле (из департа.Мёрт) и др. Они, указывал крупный исследователь этого вопроса русский ученый В. А. Бутенко, считали 18 брюмера своим детищем и если практически в нем не участвовали, то по крайней мере помогали Наполеону в подготовке общественного мнения. «И можно даже утверждать, — добавлял В. А.Бутенко, — что без их сочувствия... Наполеону не мог бы удасться переворот 18 брюмера...»¹⁴¹

В этом смысле очень характерно поведение г-жи де Сталь. Сама она прибыла в Париж только 18 брюмера и была поражена тем, что происходит. Но еще мало что зная, она уже всецело одобряла действия Бонапарта. В своих мемуарах она рассказывала, что один из ее друзей, участвовавший в заседании Совета пятисот в Сен-Клу, время от времени направлял ей курьеров с новостями, они приходили каждые четверть часа, и когда ей стало известно, что «якобинцы побеждают» (Бонапарт бежал от депутатов под крики: «Вне закона!»), она даже решила покинуть Париж и стала собираться в дорогу.¹⁴²

О реакции буржуазных кругов на переворот свидетельствует известный памфлет Фьеве «О 18 брюмера, противостоящем системе террора», опубликованный в 1802 г. Если исходить из того, что Фьеве в это время был фактически официальным публицистом Наполеона и даже одно время выступал в качестве цензора французской прессы, а потом стал префектом и бароном Империи, то можно допустить, что этот памфлет был создан по указанию первого консула.¹⁴³

В самом начале этого памфлета его автор говорит, что три лидера французского Просвещения: Мабли, Руссо и Вольтер — вынесли приговор своему обществу. «Репутация этих философов была такой, что ни один член Конвента не мог им противостоять». Это, считает Фьеве, в конечном итоге привело к террору. Члены Конвента были догматиками, они свято верили в идею Просвещения. Когда они сталкивались с препятствиями на пути осуществления своих целей, то их причину видели в действиях людей, а не в ошибочности самой доктрины. Для них не существовало вопроса, кто должен погибнуть: люди или принципы. Без сомнения — люди, так как принципы вечны. «Вот терроризм, — говорит автор, — вот его истинная причина».¹⁴⁴

Правление Директории, продолжает он, также не было удачным. Начался разброд: «каждый хотел иметь собственную партию». Необходимо было создать сильное правительство, только оно одно могло установить в стране разумный и справедливый порядок. Но чтобы управлять, «недостаточно одного человека, имеющего только огромную личную славу; нужно, чтобы он имел определенные идеи относительно искусства управления, а эти идеи даются опытом».¹⁴⁵ Такой опыт был у Наполеона, он себя достойно показал в Италии и Египте.

Революция, пишет Фьеве, все уничтожила: законы, администрацию, систему. Теперь все это нужно опять создать, нужно быть творцом.

В заключительном разделе памфлета автор пытается установить, чем отличался режим террора от порядка, установленного Бонапартом, и называет ряд моментов. Вот некоторые из них.

Террористы хотели установления «активного суверенитета народа» и усиления тирании. Сейчас, говорит Фьеве, господствует спокойствие, народ пассивен. Это доказывает, что правительство выступает от имени нации.

Террористы пытались «уничтожить всякую собственность, чтобы обогатить народ». Сейчас «происходит развитие агрокультуры и торговли, единственных основ благосостояния народа, поддерживается не только уважение к собственности, но и к определенному распространению этой собственности».

Террористы хотели «увековечить ненависть проскрипциями и проскрипции ненавистью. Сейчас проскрипции и ненависть отступают перед государственным интересом».¹⁴⁶

Нет необходимости воспроизводить далее доводы Фьеве в защиту наполеоновского режима. Важно подчеркнуть основное: при всей наивности некоторых заключений относительно якобинского правления автор верно уловил, что новый порядок вещей защитил собственность, уничтожил, как он выразился, тиранию и «активный суверенитет народа», укрепил политическое господство собственников. Не исключено, что аргументация Фьеве была подсказана первым консулом. Известно, какое большое значение Наполеон придавал общественному мнению и как искусно он умел его формировать и использовать.¹⁴⁷ Несомненно одно — идеи памфлета шли в русле официальной пропаганды и были ориентированы на широкие слои новых собственников.

До сих пор, как уже отмечалось, плохо выяснен вопрос о конкретной поддержке переворота французской буржуазией. В историографии эта проблема почти не ставилась. Одно из редких исключений — «История XIX в.» Ж.Мишле. В молодости Мишле был знаком с некоторыми банкирами, помогавшими Наполеону в осуществлении переворота. Один «из этих героев» рассказывал самому Ж.Мишле, что Наполеон установил связи с банкирами еще во время итальянской кампании или даже в канун ее. «Банкиры того времени, — комментировал этот факт Ж.Мишле, — были истинными поэтами в делах; они любили великие вещи. Они обдумали, что Италия неразработанная руда, более нетронутая, нежели Германия. Кроме земледельческих богатств ее всех родов, у нее были большие запасы дорогих металлов в сокровищницах церквей, в старинных кассах ссуд, большие галереи великолепных бесценных картин, древних и любопытных украшений, прелестное искусство которых удешевляло цену. Минута казалась им благоприятной, чтобы все забрать в руки». Доверие финансистов к молодому генералу определялось тем, что он вел себя решительно в вандемьере 1795 г и позже, когда закрыл демократический клуб «Пантеон». По мнению Ж.Мишле, а он был человеком, несомненно, осведомленным, именно реакция выдвинула генерала Бонапарта в командующие итальянской армии.¹⁴⁸

Когда война началась, связи Бонапарта с банкирами и поставщиками еще более укрепились. Тому имеется множество свидетельств. Стендаль, например, писал, что поставщики и подрядчики сопровождали итальянскую армию, хотя и выглядели в ней «белыми воронами», выставляя напоказ роскошь, «поражавшую тем сильнее, что за последние годы люди утратили представление о таком образе жизни».¹⁴⁹ Они вели себя в армии нагло, нарушая принятые там нормы поведения, как будто жили не в военном лагере, а в Париже. В то же время эти люди отличались исключительной трусостью. Один из них во время битвы «бежал без оглядки, промчался пятьдесят лье в почтовой карете и по приезде в Геную умер от последствий испуга».¹⁵⁰

Воспоминания Стендаля дополняет историк Ж.Мишле. «В молодости моей, — пишет он, — еще многие поставщики были живы, и я мог знать их... К тому же теперь, когда официальная корреспонденция напечатана, мы видим, как актеры эти проходят один за другим. 4 апреля они в один день роздали пятьсот тысяч порций водки. Немного погодя, другая раздача водки, башмаков — вещь очень приятная в стране камней. Наши голодавшие солдаты итальянской армии и тощей испанской увидели нового полководца, окруженного людьми, которые, казалось, олицетворяли изобилие. Вслед за Колло, жирной и любезной особой, шли большие стада. Колло был поставщик мяса. Он остался верен звезде Бонапарта и роздал крупные суммы денег, которые произвели переворот 18

брюмера... Крупное предприятие поставки хлеба находилось в руках Флэша, который явился в сопровождении обоза телег с мукой... Поставки другого рода были сделаны разными банкирами... эльзасским евреем Серффбеером, швейцарцем Галлером, который, как и Колло, остался преданным Бонапарту и который в 1799 г. сделал для египетской кампании большой аукцион сокровищ Рима... Молодой генерал раздавал много, обещал еще больше. Потом последовали контрибуции, поставщики богатели...»¹⁵¹

Ж.Мишле одним из первых обратил внимание на эту сторону итальянской кампании и связи молодого Бонапарта с поднимавшейся буржуазией. Новейшие исследования подтвердили эти наблюдения Ж.Мишле. А.Собуль писал: «Теперь этот спартанец (Бонапарт в Италии. — Д.Т.-Б.), окружает себя нечистоплотными финансистами вроде Аллера, которого он назначает казначеем армии, или Амлена, которого Жозефина ему представила, не забыв получить с него взятку Бонапарт разбогател».¹⁵²

Работа современного исследователя Р.Шрамкевича приоткрывала еще одну завесу. Изучив биографии крупнейших банкиров Франции, он установил, что многие парижские финансисты были связаны личными и родственными узами с брюмерианцами — с тещи, кто непосредственно организовывал переворот. Приведем эти данные: Сийес и Наполеон протезировали банкирам Ле Кутё и Перрего, генерал Моро — Рекамье, Жозеф Бонапарт — Жаму, Люсьен Бонапарт — Баррийону, Талейран находился в дружеских отношениях с Готтингером и Ле Кутё; Редерер был женат на племяннице Дибона; Камбасерес выдал свою племянницу за Бастерреша, протезировал Карье, Сабатье и Дюко.¹⁵³ Очевидно, Р.Шрамкевичу далеко не все удалось установить; надо полагать, что многие факты, касающиеся связей брюмерианской элиты с финансовыми кругами, просто не нашли отражения в мемуарах и документах.

Парижскими дельцами, особенно банкирами, переворот брюмера воспринимался прежде всего как победа над ненавистным - «охвостьем Робеспьера» и прогнившим режимом Директории, который, как им казалось, грозил новым Комитетом общественного спасения в духе 1793 г.

Любопытно, что когда еще только разворачивались на улицах, Парижа события 18 брюмера, банкир Уврал послал своему другу - морскому министру Брюи письмо следующего содержания:

«Париж, 18 брюмера VIII г.

Гражданин адмирал, проезд генерала Бонапарта, направляющегося в Совет старейшин, и наблюдающееся передвижение войск 4С заставляют меня предчувствовать, что готовятся изменения в политической области. Изменившиеся обстоятельства могут вызвать необходимость в денежных средствах. Я прошу вас, мой дорогой адмирал, быть посредником при передаче моего предложения *предоставить средства немедленно* (курсив мой. — Д.Т.-Б). Я полагаю, что тот, на которого возложены обязанности, имеющие наиболее важное значение для возглавляемого вами ведомства, может без излишней скромности сделать вам подобное предложение и что вы усмотрите в этом предложении только доказательства его пре-4-, Данности по отношению к общественному делу, торжеству которого он неизменно будет стараться способствовать.

Привет и уважение, Г.Уврал».¹⁵⁴

Мемуары автора письма не оставляют сомнений в том, что Уврал знал о заговоре, но во все детали посвящен не был.¹⁵⁵ Подобно Г.Увралу вел себя и Колло. 18 брюмера он помог Наполеону деньгами. Бурьенн, секретарь Наполеона, в своих мемуарах сообщал, что Колло дал генералу Бонапарту 500 тыс. фр. золотом; если верить Мармону, Колло ассигновал 800 тыс. фр.¹⁵⁶

По словам Бурьенна, этот банкир являлся доверенным лицом заговорщиков, ему «были известны все умыслы и козни, устраиваемые в Париже», он участвовал в тайных заседаниях. Колло ненавидел Директорию, называл ее «пятью призраками власти». Он был особенно близок к Бонапарту. Отношения между ними сложились самые доверительные. За два дня до переворота Бонапарт сказал Колло: «Наймите в Сен-Клу дом и приготовьте там

все, чтобы можно было на днях дать ужин 25 или 30 человекам». Банкир тотчас отправил в Сен-Клу своего поверенного, дом был нанят и приготовлен как следует, а 18 брюмера утром Наполеон ему сказал: «Мы будем завтра там ужинать».¹⁵⁷

После переворота, уже много позже, Бурьенн записал рассказ Колло о событиях 18 и 19 брюмера. Банкир понимал опасность положения Бонапарта в Совете пятисот 19 брюмера. «Если бы, — говорил Колло Бурьенну, — хоть один представитель схватил Наполеона в зале Совета 500, тогда как он вошел, то партия его была не довольно сильна для того, чтобы его избавить, и если бы через минуту после того выставили на балконе окровавленную его голову, то солдаты его, мало тронутые этой казнью, не потребовали бы удовлетворения и не стали бы мстить за него; но депутаты потеряли полчаса в крике, спорах и ругательствах...»¹⁵⁸ В этот второй день переворота Колло находился в той самой оранжерее, где проходило заседание Совета пятисот и откуда со скандалом якобинские депутаты изгнали Бонапарта. Затем, как известно, заседание было разогнано. Ближе к ночи, когда часть депутатов удалось найти и привести в оранжерею, оно продолжилось. Были приняты исторические решения: «Сколько буду жить, — рассказывал Колло, — но всегда перед глазами будет зрелище Сен-Клудской галереи... какое царствовало в ней безмолвие! Сколь были угрюмы и опечалены люди... Представьте себе длинный широкий сарай, наполненный опрокинутыми скамьями; кафедру, приделанную посередине к голой стене... несколько впереди стол и два стула; на этом столе две свечи и столько же на кафедре; ни люстры, ни ламп и никакого другого освещения под сводом этого длинного здания... Вы видите на кафедре бледное лицо Люсьена, читающего новую конституцию, а за столом двух толкующих депутатов. Против них, на узком тесном пространстве... толпа представителей, равнодушных ко всему, что им объявляли; большая часть из них разлеглась на трех скамейках... Между ними в том же положении находилось несколько частных людей, принимавших участие в успехе этого дела. Неподалеку сзади видны были лакеи, которые укрылись от холода и спали в ожидании своих господ. Таков был странный ареопаг, давший Франции новое правительство...»¹⁵⁹

Этот рассказ хорошо передает обстановку и личность его автора, человека, очевидно, незаурядного, ироничного и довольно наблюдательного. Присутствие Колло в оранжерее было вызвано не просто необходимостью выступить в роли хозяина на званом ужине. Главное заключалось, конечно, в другом: Колло важно было самому убедиться, не просчитался ли он в своей ставке на Наполеона, чтобы вовремя сманеврировать и сделать правильный шаг. Поэтому он оставался на заседании до конца. Оно было закрыто не раньше 12 часов ночи. «Тогда, — повествовал Колло, — я возвратился в дом, нанятый по желанию Бонапарта, и вы можете себе представить, что не было и речи об ужине... Приехало, однако же, человек восемь или десять, в числе которых находились Талейран, Седонвиль, Реньо де Сен-Жан д'Анжели и Арно».¹⁶⁰

Можно понять, почему Бонапарт не явился на ужин отметить свою победу. Учреждение нового правительства произошло совсем не так триумфально, как рассчитывали заговорщики. Многие историки, особенно приверженцы «наполеоновской легенды», тщательно затушевывали этот факт и создавали представление, что переворот совершался словно по нотам.

Субсидировали переворот также банкиры Перрего и Ле Кутё. Они помогали заговорщикам даже в самый день 18 брюмера. Именно 18 брюмера на стенах парижских домов была расклеена афиша «Обращение Центральной администрации д-та Сена к своим согражданам», подписанная Даву, Реалем, Гинебадом, а также Ле Кутё и Сабатье¹⁶¹. «18 брюмера, — с полным основанием утверждает Р.Шрамкевич, — Перрего рассматривал как часть своего дела... Ле Кутё с Сийесом и Перрего были одними из подстрекателей 18 брюмера».¹⁶²

Обратимся теперь к воспоминаниям Ле Кутё, документу уникальному и, как нам кажется, по достоинству еще не оцененному историками. Ценность этих воспоминаний в том, что Ле Кутё вращался, как и Колло, среди заговорщиков, много беседовал с ними, а дома с протокольной точностью переносил все разговоры на бумагу. В его воспоминаниях эти диалоги приведены, по-видимому, такими, какими они были на самом деле.

Ле Кутё познакомился с генералом Бонапартом еще в январе 1796 г. на обеде у Барраса. Особенно они сблизились в период подготовки египетской кампании. Ле Кутё даже продал Жозефине за 160 тыс. фр. Мальмэзон, причем большей частью в долг.¹⁶³ Тогда же (в 1798 г.) он написал сочинение о полезности приобретения Египта.

После возвращения Бонапарта из Египта у них состоялось несколько встреч. Одна из самых важных произошла 8 брюмера, за десять дней до переворота, когда роли в нем в общем уже были определены. Разговор был более чем откровенный. Ввиду важности приведем его почти полностью:

«Генерал Бонапарт. Я хочу обсудить с вами ситуацию в Париже.

Ле Кутё. Речь идет о положении в финансах и торговле или о взгляде на политические события?

Г.Б. И о том, и о другом.

Л.К. Деньги, кредит и общественный доход — всего осталось мало, все уничтожено дурными законами. Нет работы. Но Париж остается спокойным... Парижский народ лишь наблюдает.

Г.Б. Хотите ли вы более централизованного правительства?

Л. К. Желают именно правительства.

Г. Б. Не боитесь ли вы результатов последних выборов?

Л.К. Желательно найти способ, по крайней мере повторить их.

Г.Б. Не опасаетесь ли вы, что Директория, где власть разделена, не справится с новым кризисом, как и с выборами?

Л.К. В этом случае большинство законодательного корпуса будет еще более влиятельным.

Г.Б. Не боитесь ли вы партии, которая захотела объявить «Отечество в опасности», и что вы думаете относительно ее возможностей? Французский народ поддержит ее?

Л.К. Эта партия может иметь некоторую поддержку в самых населенных городах, но парижане к ним не присоединятся... Многие парижане составили себе состояние за годы революции, так что этот класс мелкой буржуазии сильно увеличился; этот класс я называю народом Парижа и, повторяю, он будет лишь наблюдать за правительством и его действиями.

Г.Б. Вся Франция, все партии ожидают меня...»¹⁶⁴

Это был разговор людей, хорошо понимавших друг друга. Такие же беседы Ле Кутё вел с Сийесом, Талейраном, Реалем и другими заговорщиками. В день 18 брюмера он даже присутствовал при историческом моменте, когда Бонапарт потребовал отставки членов Директории Гойе и Мулена. Об этом Ле Кутё тоже составил подробнейшую записку, где отразил все нюансы щекотливой беседы.¹⁶⁵

И после переворота он находился среди тех, кто создавал Бонапарту популярность.

По мнению А.Вандаля, банкир Нодлер был тоже причастен к заговору. Однажды вечером, незадолго до 18 брюмера, Наполеон посетил его поместье в Севре и вернулся очень довольный. «Едва ли, — резонно замечал А.Вандаль, — причиной этого хорошего настроения было исключительно удовольствие прокатиться за город осенью».¹⁶⁶

Важны выводы, к которым пришел в своем исследовании Л.Бержерон «Возможно, — писал он, — что государственный переворот финансировался «тайно» друзьями Бонапарта. Можно ли верить информации, что Колло ассигновал 500 тыс.фр., а Мишель младший — 2 млн, а затем 6 млн?» Л.Бержерон считает, что достоверность подобных свидетельств очень вероятна.¹⁶⁷ Любопытно в этой связи заявление Дельбреля, депутата Совета

пятисот: «Я имею полное основание думать, что эти (торговые — *Д.Т.-Б.*) компании были крайне полезными помощниками при осуществлении задуманной революции».¹⁶⁸

Куда же шли эти деньги? Большой частью, вероятно, на подкуп депутатов и военных — всех тех, от кого в конечном счете зависел успех переворота. Кое-что об этом известно. «В заговоре, — писал Ж.Мишле, — особенной тонкости не замечалось, но был простой подкуп. Деньги, которые доставлял Колло, послужили сначала для подкупа одного корсиканского полковника Себастиани, который находился в Париже с полком драгун; затем подкупили Жюбе — начальника охраны Директории. Таким образом, все пять членов Директории, сами того не замечая, уже наперед были захвачены в плен».¹⁶⁹

Горячим сторонником переворота, хотя ничего не известно о его конкретной роли, был финансист Баррийон. В 18 брюмера он видел «залог счастья и спокойствия».¹⁷⁰ «Воодушевлены надеждами» были и другие представители делового мира

Со своей стороны Наполеон удачно закрепил их доверие. Буквально через 10 дней после переворота, 19 ноября 1799 г., был отменен закон о заложниках, а затем стал обсуждаться вопрос о принудительном займе. «Опыт прошлого,— сказал Наполеон в выступлении перед консулами, — всем известен, и в нем очень мало ценного».¹⁷¹ Принудительный заем был отменен. Как писал Люсьен Бонапарт, «каждая из этих мер ежедневно укрепляла доверие капиталистов».¹⁷²

Делом, своеобразно венчавшим взаимное доверие двух сторон, явилось заседание у Наполеона 3 фримера VIII г. (24 ноября 1799 г) самых крупных банкиров и коммерсантов Франции — Жермэна, Давилье, Перье, Делессера, Сабатье, Фульширона, Рекамье, Малле, Перрего, Дуайана и др. Оно было созвано для установления прочных связей с деловым миром. Тогда же из пропагандистских соображений протокол его был издан отдельной брошюрой, и, таким образом, есть возможность наглядно представить позицию парижских предпринимателей.¹⁷³

Заседание началось с выступления Наполеона. Он сказал: «Я обращаюсь к тем людям, которые благодаря своему состоянию я кредиту, плодам промышленной деятельности, соединенной с добропорядочностью, могут способствовать торжеству революции, которая наконец даст французам правительство, пользующееся уважением как со стороны друзей, так и врагов республики... Все должно воодушевлять вас к тому, чтобы сделать наиболее благородные усилия... Объединимся же и сплотимся!»

Ответом была полная поддержка банкиров. «Мы все подпишемся, — заявил Малле. — Есть ли такой парижский банкир или торговец, который в столь ответственный момент, среди столь прекрасных надежд, не пожалел бы горько о том, что он не поспешил засвидетельствовать столь исключительное доверие правительству, которое на это имеет столько права». Банкир Жермэн заклеил Директорию, «этот несчастный режим, убивший всякое доверие».

Собрание единодушно приняло решение предоставить новому правительству кредит на 12 млн фр. золотом. Реально Наполеон получил меньше, около 3 млн. Но и это свидетельствовало о благосклонности французской буржуазии.

Правительственный официоз «*Moniteur*» по этому поводу писал: «Видно, что коммерция, несмотря на стесненность и даже опасность своего положения, с воодушевлением подписалась под авансом в 12 млн франков, предназначенным на самые насущные нужды наших армий. Ее упорство и верность являются залогом обязательств».¹⁷⁴

Умеренную революционную традицию Наполеон соблюдал и в кадровом вопросе. Основу его первых законодательных и исполнительных органов составили умеренные сторонники и участники буржуазной революции.¹⁷⁵

Анализируя состав этих органов, можно отметить, что примерно 110 «брюмерских элиты» (из 500 человек) принадлежала к старой знати, а 13

составила потом императорскую знать. При этом чем выше уровень власти, тем больший процент составляли в ее органах члены ордена Почетного легиона и представители наполеоновской аристократии. На первых четырех ступенях власти (консулы, Государственный совет, министры, сенат) она достигала 80—90%. Таким образом, основная масса «брюмерианской элиты» принадлежала до революции к третьему сословию и только потом выдвинулась в высшие ряды императорской аристократии. В политическом плане, как видно из таблиц, составленных В.Гиссельманом, большая часть брюмерианцев состояла из бывших членов Учредительного и Законодательного собраний и Советов эпохи Директории.¹⁷⁶

Таковы были первые шаги нового режима. В дальнейшем отношения Наполеона и французской буржуазии не всегда складывались так идиллически, как сразу после переворота 18 брюмера. Порой возникали большие и маленькие конфликты между правительством и отдельными промышленниками, банкирами, купцами. Но в целом бонапартистский режим объективно, вопреки даже собственным симпатиям Наполеона (который, как известно, не любил банкиров), был откровенно буржуазным и защищал интересы собственников. Не случайно поэтому многие дельцы и банкиры были возведены в дворянские звания, получили аристократические титулы и ордена Почетного легиона. Например, из учредителей «Банк де Франс» графами стали Ле Кутё, Журню Обер, баронами —Тибон, Делессер, Давилье, Малле, Готтингер, Робийяр, Мюге де Варанж, дворянами — Виталь Ру, Перре, Моро, Жам и др.

«...Наполеон уже понимал истинную сущность современного государства; он уже понимал, что государство это имеет своей основой беспрепятственное развитие буржуазного общества, свободное движение частных интересов и т.д. Он решился признать эту основу и взять ее под защиту», — писали К.Маркс и Ф.Энгельс.¹⁷⁷

1 См. *Погосян В.А.* Директория в исторической литературе//Французский ежегодник: 1983. М., 1985.

2 См.: *Тарле Е.В.* Наполеон / Тарле Е.В. Соч.: В 12-ти томах. М., 1959. Т. 6; *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971; *Далин В.М.* Люди и идеи. М., 1970.

3 *Mathiez A.* Le Directoire. P., 1934.

4 *Godechot J.* Regard sur l'epoque revolutionnaire. P., 1980.

5 *Сорель А.* Европа и Французская революция. Спб., 1906, Т.5. С.378.

6 *Вандаль А.* Возвышение Бонапарта. Спб., 1905. Ч. 1. С. 216.

7 *Stourm R.* Les finances du Consulat. P., 1902; *Marion M.* L'Histoire financier de la France depuis 1715. P., 1927. Т.3.

8 *Bergeron L.* Banquiers, negociants et manufacturiers parisiens. P., 1975. Т. 1—2; *Szramkiewicz R.* Les regents et censeurs de la Banque de France nommes sous le Consulat et l'Empire. P. et Geneve, 1974.

9 *Payard M.* Bonaparte et le fournisseur Collot//Revue des etudes napoleoniennes. 1935. N 153—154; *Levy A.* Un grand profiteur de guerre, Ouvrard. P., 1928; *Liesse.* Portraits des financiers. P., 1908.

10 *Pretot M.* Histoire des idees politiques. P., 1959; *Duverger M.* La monarchie republicaine ou comment les democraties se donnent des rois. P., 1974; *Remond R.* La vie politique en France depuis 1789. Т.1: 1789—1848. P., 1965.

11 *Napoleon I.* Correspondence. Т.1—32. P., 1859—1870.

12 Paris pendant la reaction thermidorienne et sous le Directoire//Recueil des documents... par A.Aulard. P., 1899—1902. Т.1—5; Paris sous le Consulat... P., 1903—1906. Т.1—4.

13 *Szramkiewicz R.* Op.cit. P.XLX.

14 Ibid. P.XLV.

15 Ibid. P.XLV.

- 16 Ibid. P.213—224.
- 17 Ibid. P.225—232.
- 18 Ibid. P.XLV.
- 19 Ibid. P.60—74.
- 20 *Собуль А.* Первая республика. М., 1974. С.380.
- 21 L'Histoire economique et sociale de la France. Т.3. Vol. 1. P., 1976, P.109—120.
- 22 Ibidem.
- 23 *Levy A.* Un grand profiteur de guerre, Ouvrard. P., 1928.
- 24 *Тарле Е.В.* Жерминаль и прериаль // *Тарле Е.В.* Соч.: В 12-ти томах. Т.6. С.344.
- 25 *Ouvrard G.* Memoires. P., 1834. Vol.2. P.300—344.
- 26 *Тарле Е. В.* Жерминаль и прериаль. С.344.
- 27 *Godechot J.* La vie quotidienne en France sous le Directoire. P., 1977, P.111.
- 28 Ibid. P. 113.
- 29 Ibid. P. 113—114.
- 30 Ibid.
- 31 Ibid. P. 98—99.
- 32 Ibid.
- 33 *Aulard A.* La Revolution Francaise et le regime feodale. P., 1919. P.262—263.
- 34 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.2. С.136—137.
- 35 *Napoleon I.* Correspondence. Т.6. P.15.
- 38 *Куне Э.* Революция и критика ее. М., 1908. Т.2. С.207.
- 37 *Ollivier A.* Le dix-huit brumaire. P., 1959. P.IX.
- 38 *Ouvrard G.* Memoires. P., 1826. Vol.1. P.37.
- 39 *Stourm R.* Les finances du Consulat. P., 1902. P.40.
- 40 См.: *Вандаль А.* Указ.соч. Т.1. С.18—22.
- 41 См.: *Сюратто Ж.* Бабувисты, «красная опасность» и пропаганда Директории // Французский ежегодник: 1960. М., 1961; *Дотри Ж.* Бабувистская традиция после смерти Г. Бабефа и до революции 1830 г.//Французский ежегодник: 1960. М., 1961; *Собуль А.* Указ.соч.; *Далин В.М.* Наполеон и бабувисты // // *Далин В.М.* Люди и идеи. М., 1970; *Woloch I.* Jacobin Legacy: The Democratic movement under the Directory. Princeton, 1970.
- 42 См.: *Старосельский Я.В.* Проблема якобинской диктатуры. М., 1930. С.221.
- 43 См.: *Тарле Е.В.* Жерминаль и прериаль.
- 44 *Буонарроти Ф.* Заговор во имя равенства. М; Л., 1948. Т. 1. С. 269.
- И5 ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 4, д. 25 (Доклад агента Директории общественного спасения в 6-м округе о готовности к восстанию, л. 1—2; Доклад того же агента о наличии оружия в округе, л. 3—4; Список канониров, патриотов, контрреволюционеров секции Ломбар, л.5—7; Список канониров, патриотов, контрреволюционеров секции Тамплъ, л. 8—11. В деле хранятся другие такие же донесения). В д.26 имеется доклад Ш.Жермэна, агента 5-го округа, о росте рядов сторонников Г.Бабефа (л.3—4). Агенты составляли и списки «врагов Родины» (см., например: д.27, л.20—21; д. 31, л. 6—8, 29—32).
- 46 ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.4, д.30, л.27 (Циркулярное письмо Директории общественного спасения своим главным агентам в 12 округах Парижа с просьбой прислать дополнительные данные о наличии оружия, снаряжения и продовольствия. 19 апреля 1796 г.).
- 47 ЦПА ИМЛ, ф.223, оп.4, д.11. Об этом см.: *Cobb R.* Note sur la repression // *Annales historiques de la Revolution Francaise.* 1954. N 134. P.241.
- 48 *Буонарроти Ф.* Указ. соч. М.; Л., 1948. Т.2. С.70.
- 49 *Lefebvre G.* Le Directoire. P., 1959. P.124.
- 50 *Олар А.* Политическая история Французской революции. М., 1938. С.284.
- 51 *Сюратто Ж.* Указ.соч. С.118.
- 52 *Наполеон.* Избранные произведения. М., 1941. С.70. Высокую оценку генералу Ожеро дал Ф.Буонарроти. См. об этом: *Saitta A. F.*Buonarrotti. Т.1-2. Roma, 1950—1951. Т.2. P.145.

- 53 О П.-Ж. Врио см.: *Mathiez A. L'origine franc-comtoise de la charbonnerie-italienne // Annales historiques de la Revolution Francaise. 1928. P.551—561.*
- 54 ЦПА ИМЛ, ф. 223, он. 4, д. 188, л. 25; ф. 470, он.1, д.4, л.50—51.
- 55 *Сюрраммо Ж. Указ.соч. С.100.*
- 56 *Aulard A. Les derniers jacobins//Etudes et lecons sur la Revolution Francaise. P., 1913. P.92—94.*
- 57 *Ibid. P.94.*
- 58 *Paris... sous le Directoire. Т.5. P.621.*
- 59 *Ibid. P. 614, 617, 656.*
- 80 *Aulard A. Les derniers jacobins. P.99.*
- 61 *Saitta A. Op.cit. Vol.2. P.39—41.*
- 82 *Aulard A. Les derniers jacobins. P.100—102.*
- 83 *Ibid. P.109—110.*
- 84 *Paris... sous le Directoire. Т.5. P.666; Archives Nationales. P 6267. Inventaire analitique et exact des pieces trouvees chez le M. Metge (в этом картоне хранится проект конституции, составленный М.Метжем в якобинском духе).*
- 85 *Paris... sous le Directoire. Т.5. P.666.*
- 86 *Ibidem.*
- 87 *Ibidem.*
- 88 *Payard M. Bonaparte et le fournisseur Gollot. P.130.*
- 89 *Ollivier A. Op.cit. P.XL*
- 70 *Ivernois. Des causes qui ont amene l'usurpation du general Bonaparte. P., XIII. P.89.*
- 71 *Paris... sous le Directoire. Т.5. P.661—662.*
- 72 *Ibid. P.723.*
- 73 *Ibid. P.641.*
- 74 *Marion M. Op.cit. Т.4. P., 1928. P.160.*
- 75 *Meynier A. Les coup s d'Etat du Directoire. Т.3. P., 1928. P.12—13.*
- 78 См.: *Погосян В.А. Переворот 18 фрюктидора // Вестн. Ерев. ун-та. 1980. № 2 С.179.*
- 77 В Архиве внешней политики России имеются письма Людовика XVIII русскому императору Павлу I с просьбами о всякого рода поддержке, в том числе и финансовой (АВПР, фонд «Сношения России с Францией», 1799 г., оп. 93/7, д.1299).
- 78 *Godechot I. Regard sur l'epoque revolutionnaire. P. 125—158.*
- 79 *Манфред А. З. Указ.соч. С.233.*
- 80 *Memoires du general d'Andigne. P., 1900. Т.1. P.444—452; Memoires et souvenirs du baron Hyde de Neuville. P., 1892. Т.1. P.268—275.*
- 81 *Godechot J. La contre-revolution. P., 1961. P.361—362.*
- 82 *Ibid. P.361—365.*
- 83 По одной из версий, термин происходит от французского «chat-huanfr — «сова».
- 84 *Вандаль А. Указ. соч. Т. 1. С. 168.*
- 85 *Бальзак О. Шуаны, или Бретань в 1799 г. / Бальзак О. Собр.соч.: В 24-х томах. М., 1960. Т.16. С.131.*
- 86 *Вандаль А, Указ.соч. Т.1. С.170.*
- 87 *Godechot J. La contre-revolution... P.348.*
- 88 *Ibid. P.60.*
- 89 *Вандаль А. Указ.соч. Т.1. С.178—179.*
- 90 *Олар А. Указ.соч. С.819.*
- 91 *Pierjet. Declaration des jacobins concernant le massacre des prisons: Ser vient prete par ces brigands en rassemblement secret, tendant a perdre dans l'opinion publique les generaux... P., VIII.*
- 92 *Duchamp. Gare nos tetes: Les jacobins organisent un tribunal revolutionnaire... P., VIII.*
- 93 *Saunier. Liste generate noms et adresses... P., VIII. P.2.*
- 94 *X...X. Liste des principaux animaux jacobins. P., VIII.*
- 95 *Desespoir des jacobins; et leur depart pour les frontieres. P., VIII.*

- 96 *Deqorein*. Qui sauvera la France si les jacobins triomphent. P., VII. P. 6.
- 97 *F...* La Terreur! La Terreur! Francais... P., VIII. P.1—2.
- 98 АВПР, фонд «Сношения России с Францией», 1799 г., оп. 93/VII, д.41/1336, л. 5 (о распространении якобинских произведений в Париже см. в том же деле: л.9).
- 99 *Paris... sous le Directoire*. Т.5.
- 100 *Собуль А.* Указ.соч. С.299.
- 101 *Mathiez A.* Op.cit. P.338.
- 102 *Godechot I.* Regard sur l'epoque revolutionnaire. P. 145.
- 103 *Thibaudeau A.-C.* Memoires. P., 1893. Т.2. P, 338.
- 104 *Mathiez A.* Op.cit. P.342.
- 105 *Constant B.* Des suites de la contre-revolution en Angleterre. P., 1799. P.94.
- loe *Mathiez A.* Op.cit. P.343—346.
- 107 *Stael G. de.* Des circonstances actuelles, qui peuvent terminer la revolution... / Pulbl. Par J.Viennot. P., 1906.
- 108 *Lefebvre G.* La France sous le Directoire. P., 1977. P. 705. О произведениях Констанана и Буле (из департ. Мёрт) идет речь о донесении роялистского агента Людовику XVIII (АВПР, фонд «Сношения России с Францией», 1799 г., оп. 93/VII, д. 41/1336, л.9—10).
- 109 О своих надеждах, связанных с брюмерианским заговором, Баррас откровенно рассказал в своих воспоминаниях (*Barras P.*, Memoires. P., 1894. Т.3).
- 110 О взглядах Сийеса см.: *Bastid P.* Sieyes et sa pensee. P., 1939; *Marquant R.* Les archives de Sieyes. P., 1970.
- 111 О позиции «Decades philosophiques» см.: *Kitchin I.* Un journal «philosophique»: La Decade, 1794—1807. P., 1965.
- 112 *Lefebvre G.* La France sous le Directoire. P.710.
- 113 *General Bertrand.* Cahiers de Sainte-Helene. P., 1959. Т.3. P.225.
- 114 *Буонарроти Ф.* Указ.соч. Т.1. С.181—183.
- 115 Об этом см.: *Туган-Барановский Д.М.* Наполеон и республиканцы. Саратов, 1980. С.19—24.
- 116 Correction a la gloire de Bonaparte ou lettre a ce general. Venise — P., an VI. Pamфлет был подписан семью буквами: «P.S.M.L'H.S.D.>. Они расшифровываются так: «Pierre-Sylvain Marechal. L'Homme sans Dieu». В начале XX в. памфлет был переиздан А.Матъезом (*Mathiez A.* Une brochure anti-bonapartiste en l'an VI: Les predictions de S.Marechal // La Revolution Francaise. 1903. Janv.—juin. P.249—255.
- 117 *Стендаль.* Собр. соч.: В 15-ти томах. М., 1959. Т.11. С.19.
- 118 *Napoleon.* Pensees pour Taction. P., 1943. P.10—12.
- 119 *Napoleon I.* Correspondance. Т.4.
- 120 *Талейран.* Мемуары. М., 1959. С.152,
- 121 *Godechot J.* Regard sur l'epoque revolutionnaire. P.145—147.
- 122 *Paris... sous le Directoire*. Т.5. P.210.
- 123 Ibid. P.498.
- 124 Ibid. P.724.
- 125 *Godechot I.* Regard sur l'epoque revolutionnaire. P.146—147.
- 126 *Godechot J.* Les institutions franchise. P., 1959. P.474—475.
- 127 Ibid. P.474—477.
- 128 См.: *Прело М.* Конституционное право Франции. М., 1957. С.117, 429 См.: *Олар А.* Указ.соч. С.819—820.
- 130 *Barras P.* Memoires. Т.3. P.494.
- 131 АВПР, фонд «Сношения России с Францией», 1799 г., оп.93/7, д.1299, л.5.
- 132 Там же, д. 1341, л.53—55.
- 133 Там же, д. 1299, л.37.
- 434 *Манфред А.З.* Указ.соч. С.233—234.
- 135 См.: *Бутенко В.А.* Либеральная партия во Франции в период Реставрации. Спб., 1913. Т.1.
- 136 *Ленин В. И.* Полн.собр.соч. Т.29. С.145.

- 137 *Алексеев-Попов В.С.* В чем и где следует видеть окончание Великой французской революции XVIII в.?//Доклады симпозиума по истории Франции XVIII столетия и ее связей с Россией, Украиной и Молдавией. Кишинев, 1970. С. 27-28.
- 138 *Ревуненков В.Г.* О хронологических рамках Великой французской революции // Вестн. ЛГУ. 1979. № 14. Вып.3. С.31—32.
- 139 «...Наполеоновская эра, — писали В.Марков и А.Собуль, — в некоторых своих существенных пунктах оставалась неразрывно связанной со своим революционным исходным пунктом» (*Markov W., Soboul A.* 1789: Die Grosse Revolution der Franzosen. Berlin, 1975. S.424—426).
- 140 Цит. по: *Вандаль А.* Указ. соч. Т.1. С.535.
- 141 *Бутенко В.А.* Указ. соч. С. 69—70.
- 142 *Gautier P.* M-me de Stael et Napoleon. P., 1903. P.24.
- 143 *Fievue J.* Du dix-huit brumaire oppose au systeme de la terreur. P., 1802. О Ж. Фьеве см.: Histoire generale de la presse francaise. P., 1969. Т.1. P.558.
- 144 *Fievue J.* Op.cit. P.20—22.
- 145 Ibid. P.29—33.
- 146 Ibid. P.35—36.
- 147 «Общественное мнение, — заявил Наполеон в беседе с якобинцем М.-А.Жюльеном, — это лошадь, иногда капризная, которую я пытаюсь обуздать» (ЦПА НМЛ, ф.317, оп.1, ед.хр.1147).
- 148 *Мишле Ж.* История XIX в. Спб., 1889. Т.1. С.312—313.
- 149 *Стендаль.* Воспоминания о Наполеоне//Стендаль. Соч. в 15-ти томах. М., 1959. Т.11. С.354.
- 150 Там же. С. 355.
- 151 *Мишле Ж.* История XIX в. Т. 1. С. 320.
- 152 *Собуль А.* Герой, «легенда», история // Французский ежегодник: 1969. М., 1971. С.250.
- 153 *Szramkeiwicz R.* Op.cit.
- 154 *Stourm R.* Op.cit. P.53—54.
- 155 *Ouvrard G.* Memoires. Vol.1. P.42—50.
- 156 *Due de Raguse.* Memoires. P., 1831. P.43.
- 157 *Буриенн.* Записки о Наполеоне. Спб., 1834. Т.2. Ч.IV. P.111,130,134.
- 158 Там же. С.146.
- 159 Там же. С.149—150.
- 160 Там же. С.152.
- 161 Memoires historiques sur le dix-huit brumaire. P., 1816. P.12—13. 182 *Szramkiewicz R.* Op.cit. P.219—318.
- 163 *Буриенн.* Указ.соч. Т.2. Ч.IV. С.27.
- 164 *Le Couteulx de Canteleu.* Souvenirs//Bibliotheque des Memoires relatifs a l'histoire de France pendant le 18-e siecle. Nouv.ser. Т.XXX. Vol.2. P., 1875. P. 215, 216, 217.
- 165 Ibid. P.218.
- 166 *Вандаль А.* Указ.соч. Т.1. С.299.
- 167 *Bergeron L.* Op.cit. P. 140.
- 168 *Вандаль А.* Указ. соч. Т.1. С.298 (примеч.).
- 169 *Мишле Ж.* История XIX в. Т.2. Спб., 1889. С.300—301.
- 170 *Bergeron L.* Op. cit. P. 382.
- 171 *lung Th.* Lucien Bonaparte. P., 1893. P.374.
- 172 Ibid. P.375.
- 173 Procès-verbal de la seance des banquiers et negociants convoques chez le consul Bonaparte. P., VIII.
- 174 Le Moniteur universel, du 29 frimaire an VIII.
- 475 См. таблицы в кн.: *Туган-Барановский Д.М.* У истоков бонапартизма (Происхождение режима Наполеона I). Саратов, 1986. С.192.
- 176 *Giesselmann W.* Die brumairianische Elite. Stuttgart, 1977. S.611—633.
- 177 *Маркс К, Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.2. С.137.